

ВЫБЕРИ МЕНЯ

18+

Сильвер Спрингс

Выбери Меня

<https://litres.ru/74060951>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга не для всех. Это не лёгкая романтика, где любовь решает все проблемы.

Молли — девушка, которой пришлось рано повзрослеть и тянуть всё на своих плечах. Нейт — парень с улицы, который борется со своей зависимостью.

Они из разных миров, но так похожи. Судьба сталкивает их снова и снова.

Сможет ли её любовь спасти его? Или это будет просто шаг на дно — для них обоих?

Два сломанных человека могут быть вместе. Но не для того, чтобы спасти друг друга. А для того, чтобы сказать: я вижу твою боль. И я не боюсь её. Потому что свою — я тоже вижу.

Сильвер Спрингс

Выбери Меня

Название: Выбери Меня

Автор: Сильвер Спрингс

Предупреждение

Содержит нецензурную брань. Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

Книга содержит сцены, которые могут вызвать дискомфорт у чувствительных читателей: наркотическая зависимость, созависимые отношения, физическое и психологическое насилие, попытки суицида, нецензурная лексика, откровенные сцены 18+.

Эта книга — история любви и созависимости. Автор не романтизирует боль, а показывает её честно — без прикрас.

Ограничение: 18+

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тому, кто когда-то был моей вселенной. Тому, кто научил меня смотреть на луну. Эта книга - моё прощание...

ПРОЛОГ

РОДИТЕЛИ.

Мне шесть. И Я уже большая. Но когда мама кричит так, что стены дрожат, я чувствую себя маленькой-маленькой.

— Ты меня совсем не слышишь! — кричит мама. — Со-
всем!

Папа молчит. Он всегда молчит, когда мама кричит. Я не понимаю, почему он не скажет что-нибудь доброе, чтобы она перестала.

Я подхожу к двери и смотрю в щёлочку. Мама и папа стоят на кухне. Папа трясёт маму за плечи — она такая худенькая и хрупкая, а он большой, сильный. Мне страшно. Папа никогда меня не тряс, но вдруг однажды начнёт?

Мама плачет не как мама. Голос у неё чужой — тонкий, противный, как у кошки, которой наступили на хвост. Папа молчит, только руки у него сжимаются и разжимаются.

Потом мама замечает меня. Она смотрит на меня через всю кухню, и у неё такое лицо... Я не знаю, как это назвать. Пустое. Как будто меня нет.

Она уходит. Просто поворачивается и уходит в спальню.

Я стою в дверях, боюсь пошевелиться. Папа видит меня, подходит, садится на корточки. Обнимает. От него пахнет бензином и табаком — пахнет папой. Я прижимаюсь к нему, потому что он тёплый. Даже когда он делает больно маме, он всё равно тёплый.

— Прости, малыш, ты не должна была это видеть, — говорит он. — Всё будет хорошо.

Я киваю, хотя не верю. В животе что-то сжимается в комочек. Я не знаю, как это называется, но мне кажется, что этот комочек останется со мной навсегда.

Ночью я долго не могу уснуть. В комнате темно, а перед глазами — пустое лицо мамы. Я затыкаю уши подушкой, но всё равно слышу: мама плачет за стенкой. Громко. Так громко, что, наверное, соседи тоже слышат.

Я закрываю глаза и шепчу в подушку:

— Мамочка, не плачь. Пожалуйста.

Но она не слышит. Или слышит, но не может перестать.

Утром я проснулась и сразу поняла — что-то не так. В доме тихо. Слишком тихо.

Ночью я почти не спала. Закрываю глаза — а передо мной та тётя, которая целовала папу. Открываю — она всё равно там. Прилипла к векам.

Помню Я сидела в машине, ждала папу. А он стоял у чужого дома и целовал какую-то тётю. Я не знаю, как её зовут. Она не похожа на маму. У неё волосы другие.

Я хотела отвернуться, но не смогла.

Мы ехали молча в машине. Возле дома он повернулся ко мне и сказал:

— Маме это знать не нужно, хорошо?

Улыбнулся. Подмигнул.

Я просто кивнула. Слова застряли в горле, как сухая конфета.

ОТЪЕЗД.

Я вышла в комнату. Мама молча складывала вещи в сумку. Она не плакала. Она даже не смотрела на меня. Просто кидала вещи, как будто мы уезжаем навсегда. Или как будто она хочет выкинуть всё, что напоминает о папе.

Я стояла в дверях и боялась войти. Мама была как кукла, у которой села батарейка.

Папа Увидел меня — подошёл, сел на корточки взъерошил мне волосы, заглянул в глаза и сказал

— Нужно какое-то время пожить у бабули.

Я посмотрела на маму.

— Мамочка, я поеду к бабуле, — сказала я тихо. — Хорошо?

Мама не обернулась. Я не знаю, услышала ли она.

Потом я подошла к папе. Он уже держал ключи.

— Папочка, — я потянула его за рукав. — Мы же вернёмся?

Он взъерошил мне волосы. Улыбнулся той улыбкой, которая раньше делала всё хорошо, а сейчас почему-то нет.

— Конечно, малышка. Скоро.

Я поверила. Я всегда верю, когда папа так говорит.

Мы сели в машину. Папа включил музыку — что-то весёлое, летнее. Как будто ничего не случилось. Как будто мы едем на пикник.

Я теребила лямки рюкзака. Сжимала их, крутила, не мог-

ла успокоиться. Воздух в машине стал толстым, как кисель. Я перестала дышать, потому что боялась услышать что-то ещё.

Мы уже подъезжали к бабушкиному дому, когда папа сказал:

— Ты поживёшь здесь немного. А перед школой мы с мамой тебя заберём.

Я обрадовалась. Первый класс — это же так важно!

— Точно заберёте?

— Точно, — он улыбнулся. — Обещаю.

Я поверила. Я всё ещё верила.

Домик бабушки стоял у самого озера. Маленький, беленький, с синими ставнями. Рядом — большая ферма. Для такого крошечного дома она казалась огромной.

Я выскочила из машины, едва папа заглушил мотор.

На крыльце стояла бабушка. Худенькая, маленькая, почти как я. Волосы седые, заколоты в пучок старомодными шпильками. Увидела меня — и лицо у неё стало мягкое-мягкое, руки раскрылись.

— Ну что, где моя Мол-Мол? Иди обними бабулю.

Я кинула к ней на шею.

Мы зашли внутрь. Там было тесно, но уютно. Светлые стены, простые деревянные полки с чашками, в углу — старое кресло с пледом. И уже пахло свежей выпечкой — пирогом, который бабушка, наверное, достала из духовки перед самым нашим приездом.

Бабушка оглядела меня, пригладила мои растрёпанные волосы и спросила:

— Ну что, чем займёмся?

БАБУШКА.

У Бабушки был большой сад за домом, где яблони гнутся к земле от тяжести плодов. Бабушка в старой соломенной шляпе поливает огурцы из зелёной лейки. На мне — резиновые жёлтые сапожки. Они велики, болтаются на ногах, хлопаят при каждом шаге.

— Не спеши, — говорит она, не оборачиваясь. — Вода любит тишину.

Я стою с краю, смотрю, как струя разбивается о землю, как поднимается пар от нагретой за день грядки.

Ближе к вечеру мы идём к опушке. Там, между сосен, бродят лани.

— Подходить нужно тихо. И дышать — медленно.

Она протягивает мне кусок хлеба. Лани подходят, доверчивые, почти ручные. Одна лижет мою ладонь шершавым языком. Я замираю, боюсь спугнуть.

— Вот так, — говорит бабушка. — Они чувствуют твоё доброе сердце.

Потом мы печём пироги. Я мешаю тесто, вымазываюсь в муке, она смеётся, поправляет мне волосы, пахнущие яблоками и солнцем.

— Вырастешь — запомнишь нас, Мол-Мол, — говорит она.

Я не понимаю. Но, запоминаю. Всё. Сапожки, лань на опушке, её руки в муке и этот вечер, который пахнет счастьем.

ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС.

Я стою у школьных ворот, сжимаю руку бабушки. Вокруг дети, цветы, банты, фотографии. Мамы и папы. Все с кем-то. Только я жду своих.

Мамочка. Папочка.

Я ищу их глазами, перебираю всех, кто проходит мимо. Но их нет.

— Всё хорошо, — говорит бабушка. — Всё будет хорошо.

Она гладит меня по голове. Я не отпускаю её руку. Боюсь, что если отпущу — останусь одна.

Звенит звонок. Потом ещё. Потом — тишина. Уроки кончились. Я выбегаю из школы, надеясь — сейчас, сейчас они придут.

Вместо них ко мне подходит — девочка. Высокая. Чёрные длинные волосы, большие синие глаза. Она смотрит на меня, улыбается.

— Придёшь ко мне на день рождения? — спрашивает она.
— Меня Кристи зовут.

Я не знаю, что ответить. Смотрю на бабушку. Она кивает,

улыбается.

— Да, — говорю я.

Кристи обрадовалась. Потом стиснула меня в объятиях — крепко, по-настоящему.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ.

Дом Кристи оказался большим и светлым. На окнах — белые занавески, на полу — мягкий ковёр. Пахло ванилью и чем-то сладким.

Мама Кристи встретила меня в прихожей. Высокая, с длинными волосами.

— Ты, наверное, Молли? Кристи тебя так ждала! Проходи, раздевайся.

Она говорила так, будто я была у них сто раз. Будто я своя.

Папа Кристи надувал шары в гостиной. Он смеялся, когда шарик выскальзывал и с шипением летал по комнате. Мама Кристи делала вид, что сердится, а сама улыбалась.

Я смотрела на них и не могла отвести взгляд. Они не ссорились. Не молчали с каменными лицами. Они обнимали Кристи, когда она пробегала мимо, поправляли ей бант, целовали в макушку.

В гостях были Майя, Макс, Эндрю и ещё двое ребят, которых я не запомнила.

Майя стояла чуть в стороне, теребила край платья. Низенькая, худенькая, со светлыми кудряшками. Тихая, почти

не разговаривала — только улыбалась.

Макс сидел на диване с прямой спиной и аккуратно сложенными руками. Форма не мятая, волосы зачёсаны, на ногах кроссовки, которые никак не сочетались со школьной формой. Таким мальчикам учителя ставят пятёрки за поведение.

Эндрю вертелся, никак не мог усидеть на месте. Он то дёргал Майю за косичку, то прятал подушку, которая нужна была для игры. Кристи показывала ему кулак, а он только смеялся.

Мы играли в «съедобное-несъедобное». Я поймала мяч на слово «котлета» — Макс закричал: «Несъедобное!» Все засмеялись. Я засмеялась тоже — хотя котлета точно съедобная.

Потом играли в «испорченный телефон». Кристи что-то шепнула Майе, Майя — Макс, а когда слово дошло до меня, оказалось: «Бабуля любит пироги». А передавали, кажется, «в Африке живут слоны». Я не поняла, но было смешно.

Потом мама Кристи вынесла торт — высокий, с кремовыми розами и цифрой «7» из шоколада.

— Загадай желание! — закричали все.

Кристи зажмурилась. А я почему-то тоже зажмурилась. И загадала: «Пусть мама с папой...» А дальше не знала. Не могла придумать, чего им пожелать. Чтобы они снова любили друг друга? Они и так говорили, что любят. Чтобы перестали ссориться? А если они не умеют?

Я открыла глаза. Кристи задула свечи. Все захлопали.

Подарок я отдала одним из последних. Кристи развернула, там был платочек, она посмотрела на вышитый цветок и вдруг обняла меня.

— Как красиво! Твоя бабушка сама сделала?

— Да, — прошептала я.

— Она добрая, — сказала Кристи. — Как моя.

У меня что-то кольнуло внутри. Не больно, а так — сладко и горько.

Когда стемнело, за мной пришла бабушка. Мы шли домой по тёмной улице, я держала её за руку и рассказывала.

— У Кристи мама и папа любят её, — сказала я. — Они обнимаются. Они не ругаются. И Кристи ничего не боится.

Бабушка вздохнула, погладила меня по голове.

— Люди бывают разными, Мол-Мол. И семьи — разными. Одним везёт, другим — нет.

— А мне не повезло? — спросила я.

Бабушка не ответила. Только крепче сжала мою ладошку.

Ночью я долго не могла уснуть. Смотрела в потолок и думала: почему у Кристи так, а у меня иначе? Что я сделала не так?

Но я не знала ответа. И никто мне его не сказал.

МИР РУХНУЛ.

В мае, когда солнце уже пекло по-летнему, а по утрам тра-

ва была мокрая от росы, я проснулась от того, что свет бил прямо в глаза. Я зажмурилась, перевернулась на другой бок, но сон уже ушёл.

В доме было тихо. Слишком тихо.

Я села на кровати, прислушалась. Обычно бабушка уже возилась на кухне, ставила чайник, гремела кружками. Сегодня — ничего. Только тишина.

И голоса за стеной. Шёпотом.

Я слезла с кровати и на цыпочках подошла к двери. Приоткрыла.

В бабушкиной комнате стояли папа и какие-то другие люди — я не знала их. Может, родственники? Я видела их раньше на праздниках, но не запомнила. Они говорили шёпотом. Папа держал бабушку за руку. Он был бледный, как стена.

— Ночью ей стало плохо, — сказал кто-то. — Она не стала будить девочку, не хотела пугать.

— Я приехал, как только она позвонила, — ответил папа. — Скорая была уже в пути, но...

Он не договорил.

Я вошла в комнату. Бабушка лежала на кровати с закрытыми глазами. Лицо белое, губы сжаты. На тумбочке — пузырьки с лекарствами, стакан с водой, бабушкины шпильки.

— Бабушка, — позвала я тихо. — Ты спишь?

Папа обернулся. Увидел меня. Подошёл, сел на корточки, взял за плечи.

— Молли, — сказал он. — Бабушка... она не проснётся.

— Почему? — спросила я. — Она же не болела. Она вчера ещё смеялась. Мы вместе смотрели телевизор, она попкорн сделала. Как так?

Папа не ответил. Просто притянул меня к себе и обнял.

Я не плакала. Не могла. Внутри было пусто, как в доме, когда выключают свет. Я смотрела на бабушку и ждала, что она вот-вот откроет глаза, улыбнётся и скажет: «Ну что, напугала я тебя, Мол-Мол?» — как она иногда шутила.

Но она не открыла глаза. Потому что умерла.

Позже я узнала. Ночью ей стало плохо. Она не стала меня будить — не хотела пугать. Позвонила папе. Скорая приехала, но не успела. А я спала. Я спала, пока бабушка умирала в соседней комнате. Она была одна. Я была рядом, в двух шагах, но ничего не слышала. Не проснулась.

Я долго потом думала об этом. И каждый раз, когда вспоминала, меня тошнило.

— Молли, — сказал папа. Он всё ещё держал меня за плечи, смотрел прямо в глаза. — Теперь ты будешь жить с мамой.

Я не поняла.

— А как же бабушкин дом? — спросила я. — Мы же приедем сюда летом? Бабушка хотела научить меня печь пироги с яблоками.

Папа посмотрел в сторону. Потом снова на меня.

— Бабушкин дом... он теперь не наш, Молли. Ты будешь жить с мамой.

Мама. Мама, которая молча складывала вещи в тот день. Мама, которая не обернулась, когда я сказала «мамочка». Мама, которая не пришла на мой первый день в школе. Мама, которая смотрит сквозь меня, даже когда я стою прямо перед ней. Мама которую я не видела уже почти год.

Я хотела сказать «нет». Я хотела закричать. Я хотела упасть на пол и не вставать.

Но я не сказала ничего. Только кивнула.

Потом папа взял меня за руку и повёл к машине. Я шла и смотрела на бабушкин дом. Беленький, с синими ставнями. Маленький, но самый лучший на свете. И я знала, что никогда сюда не вернусь.

Мы сели в машину. Я теребила лямки рюкзака — того самого, с которым приехала к бабушке год назад. Папа завёл мотор. И мы поехали к матери.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Папа высадил меня перед небольшим домиком. Вокруг не было ни цветов, ни деревьев — как возле бабушкиного дома. Только серая, вытоптанная земля и желтая трава.

Он обошёл машину, присел на корточки, достал какую-то коробочку и протянул мне.

— Это твой телефон. Он уже включён. И в нём забит мой номер. Звони в любое время. Я отвечу и приеду.

Он поцеловал меня в макушку и кивнул в сторону дома.

— Теперь ты будешь жить здесь. С мамой.

Я посмотрела на домик. Серые стены, три маленьких окна. Он казался будто из картона — хрупким, ненастоящим. На веранде стояла мама. Я узнала её, но она была другой. Ярко-зелёное платье обтягивало большой живот. Волосы такие же белые, та же причёска, что и раньше — но лицо опухшее, уставшее.

Я уставилась на коробку в руках. Забрала её, кивнула и пошла к дому.

— Молли! — крикнул отец вслед.

Я обернулась.

— Позвони мне, — сказал он.

Я не ответила.

В доме пахло дымом, сигаретами и порошком, которым стирают одежду. Три комнаты: гостиная, соединённая с крошечной кухней, и две спальни. Пол скрипел под ногами, стены были в ободравшейся краске. Но в доме было чисто.

Мама смотрела на меня и плакала.

— Мамочка, почему ты плачешь?

Она не ответила. Попыталась обнять меня, но не смогла — мешал живот.

— Мама, ты ждёшь малышку?

— Да, — ответила она и зарыдала ещё сильнее.

Я стояла, не зная, что делать. От неё пахло так же, как тем средством, которым бабушка обрабатывала мои коленки, когда я падала и обдирала их.

— Можешь выбрать себе комнату, — всхлипнула она.

Я вошла в спальню, села на кровать. Пружины жалобно скрипнули.

Открыла новый телефон. Нашла номер папы, нажала «вызов». Он ответил сразу.

— Да, Молли. Как меня слышно?

— Хорошо, — вздохнула я. Голос дрожал. — Папочка, мне здесь не нравится. Забери меня.

Он шумно выдохнул.

— Молли, малыш, нужно немного пожить с мамой. Как только я разберусь со своими делами, я сразу тебя заберу.

Я смотрела на стену с ободранной краской, на занавеску, которая была когда-то белой, а теперь стала серой. На свои руки, которые сжимали телефон.

— Обещаешь? — спросила я.

— Обещаю, — ответил он.

ВМЕСТО ШКОЛЫ КЛАДБИЩЕ.

Мне не нравилось в школе. Уроки были скучные, неинтересные. Я уже знала всё, что они рассказывали, наизусть.

Единственное, что я любила — играть с Кристи. И с Эндрю. И с Максом. На переменах мы носились по коридорам, смеялись, прятались за шкафами. Но звонок — и снова тишина, парта, доска, чужой голос учителя.

Сегодня я не пошла на остановку. Не села в автобус. По-

шла в другую сторону — в ту, где сосны, где тишина, где нет ни звонков, ни домашних заданий.

Кладбище.

Я знаю каждую тропинку. Знаю, где повернуть, где перешагнуть через корень, где земля мягче.

Бабушка здесь. Под старым камнем, обросшим мхом. На плите выцарапано её имя и даты — я их запомнила с первого раза.

Я сижу на земле, поджав колени. Солнце пробивается сквозь сосны, ложится пятнами на траву. Тихо. Только птицы и ветер.

Я собираю камешки. Серые, гладкие, тёплые от солнца. Ставлю один на другой. Башня растёт медленно. Третий, четвёртый, пятый.

— Привет, — шепчу я.

Башня качается. Я поправляю её. Осторожно.

И думаю: скоро каникулы, скоро лето. Я буду приходить сюда каждый день.

Я знаю, что бабушка видит и слышит меня.

ЗНАКОМЬСЯ — ЛАНА.

Знойное, жаркое лето. Воздух плавится за окном, мухи бьются о стекло. Я лежу на кровати, раскинув руки и ноги, надеясь поймать хоть капельку прохлады. Пот течёт по лицу, волосы прилипли к шее.

Вдруг — крик. Мамин. Резкий, рвущий тишину.

— Молли! Вызывай скорую!

Я срываюсь с места. Сердце колотится где-то в горле.

Пальцы дрожат — набираю номер, сбиваюсь, стираю, набираю снова.

— Скорая помощь, — говорю я. Голос чужой, не мой.

Больница пахнет хлоркой, лекарствами и страхом. Я сижу на пластиковом стуле, смотрю в окно на пустой двор. Рядом — тётя в белом халате. Она что-то говорит, улыбается, но я не слышу. Только мамин крик в голове.

Потом разрешают зайти.

Мама лежит на кровати, вся в поту, бледная, как простыня. Глаза закрыты, дышит тяжело. Я никогда не видела её такой. Страшно. До дрожи.

А рядом — кроватка. Маленькая, с кружевным балдахином. Я смотрю туда, боюсь подойти.

— Иди, — шепчет мама, не открывая глаз. — Познакомься.

Я делаю шаг. Второй. Заглядываю внутрь.

Она такая маленькая. Крошечная. Личико сморщенное, кулачки сжаты. Грудка вздымается ровно, спокойно. Она не знает, где находится. Не знает, что её ждёт.

— Знакомься, Лана, — говорит мама.

Я смотрю на неё. На эту крошку, которая теперь будет жить с нами. Дышать с нами. Плакать — тоже с нами.

И вдруг я понимаю: я больше не одна. У меня есть сестра.

Я наклоняюсь к ней. Почти касаюсь носом её носа.

— Клянусь тебе, — шепчу я. — Обещаю. Мы выберемся вместе из этого. Уедем далеко-далеко. И будем жить хорошо.

— Вместе, — говорю я. И верю в это.

МАЛЬЧИК С ОЗЕРА.

Я брожу около бабушки дома. Мне запретили сюда заходить после её смерти. Чужие дяди сказали, что дом больше не наш. Папа говорил то же самое, но я всё равно прихожу. Не в дом — рядом. Просто быть здесь.

Сегодня я сидела на берегу озера. Вода тёмная, спокойная. Мимо проплывает тина — зелёная, склизкая. Я ковыряю её палкой, вожу туда-сюда, смотрю, как расходятся круги.

— Грустишь?

Я вздрагиваю. Голос звонкий, незнакомый.

Поднимаю голову.

На меня смотрит мальчик. Чёрные волосы падают на лоб, глаза — такие же чёрные, большие, глубокие. Я таких глаз никогда не видела. Они как две ночи без звёзд.

— Нет, — говорю я. — С чего ты взял?

Он усмехается, кивает на палку в моей руке.

— Сколько можно ковырять эту тину?

Я не знаю, что ответить. Опускаю глаза. Мы сидим какое-то время молча. Я слышу его дыхание. Он не смотрит на

меня — на воду. Тина проплывает мимо, уходит вдаль. Он смотрит, как она исчезает за поворотом.

— Иногда мир жесток, — говорит он вдруг. Не громко. Спокойно. — Просто так. Без причины. Бывает больно, и ты ничего не можешь с этим сделать.

Я смотрю на него. На его чёрные глаза, на его спокойное лицо. Он не улыбается. Не шутит. Просто говорит то, что знает. Как взрослый.

Потом он встаёт. Отряхивает джинсы.

— Ты куда? — спрашиваю я.

Он ухмыляется. Не улыбается — ухмыляется, как будто знает что-то, чего не знаю я.

— Ещё увидимся, — говорит он.

— Врёшь, — кричу я ему вслед.

Он складывает руки рупором.

— Обещаю! — кричит он, не оборачиваясь. И уходит.

ГЛАВА 1

31 декабря 2009

В этом году зима выдалась снежной.

Снег начал падать ещё в ноябре и не прекращался до сих пор. Он лежал на крышах, на деревьях, на проводах. Он скрипел под ногами, слепил глаза по утрам, заставлял мир замедляться и замолкать. Родовлица утонула в белом. Даже привычные серые дома выглядели иначе — чище, светлее, как будто город натянул на себя новую одежду и ждал, когда

его заметят.

Я стояла перед открытым шкафом и смотрела на вешалки.

Платьев было немного. Синее — слишком длинное. Чёрное — слишком простое. Красное — короткое, без бретелек. Оно висело с краю, будто ждало, когда я его замечу.

Красное, матовое, чуть ниже бедра. Я провела пальцами по ткани — гладкая, холодная, как снег за окном. Оно было куплено на прошлый Новый год, но так и не надето. Тогда я не пошла никуда. Сидела с Ланой, смотрела фейерверки из окна, слушала, как мама ворочается на диване.

Сегодня я его надела.

Платье облепило тело, как вторая кожа. Декольте — глубже, чем я помнила. Я повернулась перед зеркалом, прикусила губу. Сзади — открытая спина, лопатки торчат, позвонки выпирают. Я не знала, красиво это или нет. Но переодеться уже не хотелось.

Обулась в конверсы. Старые, поношенные, с пятнами от краски на резинке. Кристи — закатила бы глаза. Но конверсы были удобными, а бегать на каблуках по снегу я не умела.

Я накинула куртку. Вспомнила, как бабушка говорила: «Надевай шапку, простудишься». Я никогда не слушалась. Сейчас — тоже.

Заглянула к Лане.

Она спала, раскинув руки, уткнувшись носом в плюшевого зайца. Волосы разметались по подушке, губы приоткрыты. Спокойная, маленькая.

Я поправила одеяло, поцеловала в макушку. Волосы пахли детским клубничным шампунем. Она даже не шевельнулась.

— С новым годом, маленькая, — прошептала я. — В следующем году мы встретим его вместе, обещаю.

Она не услышала.

Я прошла через гостиную.

Мама уснула на диване. Телевизор работал, показывал какой-то старый фильм — чёрно-белый, с людьми в шляпах. Мама лежала на боку, поджав колени, в руке — пустой бокал. На журнальном столике — наполовину пустая бутылка. Вино, дешёвое, красное. Оно оставило тёмное пятно на скатерти.

Я выключила телевизор. Тишина накрыла комнату, и стало слышно, как за окном шуршит снег. Легко, едва уловимо, будто кто-то шепчет.

Мама даже не проснулась.

Я посмотрела на неё. На бледное лицо, на тёмные круги под глазами, на её руки — тонкие, дрожащие во сне, с обкусанными ногтями и жёлтыми пальцами.

Она начала пить задолго до развода. Но после — перестала контролировать.

Я любила её. Но не могла на неё смотреть. Или могла, но это было слишком больно.

Я взяла ключи и вышла.

Холод обжёг лицо. Снег скрипел под конверсами. Небо

было чистым, чёрным, звёзды — колючими яркими точками. Дышать было легко. И тяжело одновременно.

Я пошла к воротам.

Такси ждало у дома. Кристи высунулась из приоткрытого окна, махала рукой.

— Ты чего так долго? Давай быстрее, замёрзли уже!

— Я же сказала, через пять минут.

— Твои пять минут — это вечность!

Я села в машину, хлопнула дверью.

Кристи окинула меня взглядом.

— Серьёзно? Красное платье, декольте — и кеды? Ты идёшь соблазнять или в поход?

— Это называется стиль, — парировала я.

— Это называется «я не надела шпильки, потому что не умею в них ходить», — Кристи толкнула меня плечом.

Майя хихикнула. Макс усмехнулся.

— Девчонки, — сказал он. — У вас всегда так?

— Только когда мы вместе, — ответила Кристи.

Она тронула водителя за плечо:

— Поехали уже, а то платье Молли растает от такой красоты.

Водитель вздохнул, вырулил со двора.

Снег летел в фары. Машина тихо урчала. Кристи что-то рассказывала про Эндрю, Майя кивала, Макс смотрел в окно.

А я смотрела на снег и думала о том, как странно устроена

жизнь. В прошлом году я сидела с Ланой, смотрела фейерверки из окна и думала, что это тоска. А сегодня еду в такси, в красном платье, на вечеринку, и внутри — странное предчувствие.

Что-то изменится.

Я не знала — что. Но чувствовала. Всем телом. Каждой клеткой.

Дом Эндрю был большим, двухэтажным. Окна горели жёлтым, будто внутри горел костёр. Из коридора доносилась музыка — глухо, тяжело, басы уходили в землю.

Заходим внутрь — и нас накрывает волной.

Звук ударил в уши, забился в грудь, пульсирует в такт сердцу. В доме полно народу: знакомые и незнакомые лица мелькают в полумраке, кто-то танцует, кто-то сидит на диванах с банками в руках.

Эндрю нас замечает. Подходит к Кристи, целует прямо в губы. Потом отстраняется, берёт её лицо в ладони и говорит с притворной серьёзностью:

— Ты сегодня такая красивая... Прямо не узнать. Ты моя девушка или её красивая сестра?

Кристи замахивается, но он уже уворачивается. Машет нам всем — из-за музыки всё равно ничего не слышно — и кричит:

— Да пошлите уже внутрь!

Мы проходим сквозь толпу. Кто-то хлопает меня по плечу, кто-то кричит «С новым годом!», хотя до боя курантов

ещё часа три. Меня толкают, я толкаю в ответ.

Музыка бьёт по ушам, но это даже весело. Я чувствую, как напряжение уходит из плеч, как шампанское разливается по венам тёплой волной.

Мы с Кристи и Майей выходим в центр комнаты.

Танцуем.

Кристи двигается резко, отрывисто — как будто хочет вытрясти из себя всю энергию за один вечер.

Майя сначала мнётся, оглядывается, но потом я хватаю её за руки, и она сдаётся. Улыбается. На секунду становится похожа на ту девочку, которая не боится быть собой.

— Ну как ты? — кричу я ей прямо в ухо, когда музыка ненадолго стихает.

Она пожимает плечами, смотрит куда-то за мою спину.

Я оборачиваюсь. Макс стоит у стены с банкой колы, смотрит на нас. Или не на нас. На неё.

— Он тебя любит, — говорю я.

Майя краснеет, отворачивается.

— Он ни разу не сказал.

— А ты сказала?

Она молчит. Трогает край своего платья, теребит ткань.

— Я боюсь, — наконец говорит она так тихо, что я едва разбираю слова. — А вдруг я ему не нравлюсь? Вдруг он просто привык, что я всё время рядом?

— Глупенькая, — говорю я. — Он без тебя дышать не может.

Мы танцуем дальше.

Кто-то предлагает поиграть в пинг-понг. Стол стоит в соседней комнате, и мы перебираемся туда. Я играю с каким-то парнем, имени которого не запомнила. Выигрываю — он явно поддавался. Потом проигрываю — уже специально, чтобы не выглядело так, будто я крутая спортсменка.

Потом ещё один глоток шампанского из пластикового стаканчика.

Голова идёт кругом.

Я выхожу на улицу.

Надо подышать.

Снег всё идёт. Хлопья падают на лицо, тают на ресницах. Я сажусь на крыльцо, запрокидываю голову, смотрю на небо. Черное, пустое. Вспоминаю, как бабушка говорила: «Снег — это небо, которое решило спуститься на землю, чтобы обнять нас». Я тогда смеялась.

Сейчас я вспомнила это и слабо улыбнулась.

И тут я слышу шаги.

Кто-то выходит из дома следом. Я не оборачиваюсь — думаю, Кристи или Майя. Но шаги тяжёлые, мужские. И запах. Дым сигарет и мятный шампунь

Он садится рядом.

Я наконец поворачиваю голову и вижу его.

Высокий. Старше нас. Тёмные волосы спадают на лоб из-под капюшона. Под чёрной худи виднеется край татуировки на руке — чёрная, сложная, я не разглядываю детали, но она

есть.

Он не улыбается. Не поворачивается ко мне. Не смотрит на меня. Просто сидит.

— Привет, — говорит он. Голос хриплый, грубый. Как будто он не спал сутки или надышался дымом.

— Привет, — отвечаю я.

— Грустишь?

— Нет. Новый год, ведь.

— Ну да.

Он затягивается. Косяк? Сигарета? В темноте не разобрать. Только огонёк мерцает, освещая его пальцы — длинные, с тёмными полосками тату, которые уходят под рукав.

— Угостишь? — спрашиваю я.

Он усмехается.

— Да? А почему бы и нет.

Протягивает мне. Я беру, затягиваюсь. Горло обжигает. Лёгкие сжимаются. Я начинаю кашлять — громко, взхлёб, сгибаясь пополам.

Он смеётся. Не зло — по-настоящему.

— Первый раз?

— Нет, — вру я между приступами кашля. — Просто... закурилось не туда.

Он не верит. Я вижу. Но ничего не говорит.

Просто забирает косяк, затягивается сам, смотрит перед собой.

Снег падает на его плечи, на волосы, на ресницы. Он не

стряхивает. Смотрит в темноту, и мне кажется, что он видит что-то, чего не вижу я.

Я тоже смотрю в темноту. Но вижу только его профиль.

— Почему мне кажется, что мы раньше встречались? — говорю я.

Он усмехается.

— Это вряд ли.

Тушит косяк об снег.

— Почему нет?

— Потому что я здесь в первый раз. В таких местах вообще не бываю.

— А в каких ты бываешь?

Он поворачивается ко мне. В темноте не вижу его глаз — только слышу голос, тише, чем раньше.

— В таких, в какие тебе нельзя.

У меня сердце ёкает.

— Покажешь?

Он смотрит на меня долго. Секунду. Две. Три.

Потом отворачивается.

— Нет.

Он встаёт. И уходит, не оборачиваясь.

— Эй! — кричу я ему вслед. — Почему ты уходишь? Ты просто так уйдёшь?

Он останавливается.

Поворачивается ко мне.

И улыбается.

Хищной улыбкой. Я вижу её даже в темноте — под фонарём.

— Ещё увидимся, — говорит он.

— Ты врешь! — кричу я.

Он складывает руки рупором и кричит в ответ:

— Обещаю!

И тут меня накрывает.

«Обещаю».

Я уже слышала это слово. Тем же голосом. Так же — в спину, на прощание.

Я закрываю глаза, и передо мной встаёт картинка. Озеро. Лето. Мальчик с чёрными глазами. Взъерошенные тёмные волосы. И тот же самый голос, — тогда ещё детский : «Ещё увидимся». «Ты врешь». «Обещаю».

Это он.

Не может быть.

Но это он.

И тут небо разрывается.

Салюты и фейерверки бьют со всех сторон, рассыпаются искрами, красят снег в розовый, синий, зелёный. Из дома вываливаются Кристи, Эндрю, Макс, Майя. Кто-то кричит «С Новым годом!», и все подхватывают.

А я стою и смотрю на пустую скамейку.

Его уже нет.

Никто не знает, откуда он взялся. Никто не знает, куда ушёл.

Кристи кричит: «Молли, иди сюда, давай поздравляться!», тащит меня за руку, обнимает, целует в щёку.

Я обнимаю её в ответ, улыбаюсь, кричу «С Новым годом!».

Но думаю о нём.

О мальчике с озера, который вырос, стал выше, шире в плечах, и нашёл меня снова.

А я даже имени его так и не узнала.

Снег падает. Фейерверки гремят. Кто-то пускает петарду, и она взрывается где-то над нашими головами.

Я обнимаю Кристи, чувствую, как она пахнет шампанским и мандаринами.

ГЛАВА 2

1 ЯНВАРЯ 2010

Я приехала домой рано утром, когда город ещё спал.

Снег скрипел под кедами, дыхание вырывалось облачками пара и тут же таяло в воздухе. Фонари горели тускло, жёлтым, уставшим светом. Ни одной машины. Ни одного человека. Только я, снег и тишина.

Я тихонько открыла дверь, разулась, стараясь не шуметь. Кеды поставила у порога — мокрые, в пятнах соли, один на боку. В прихожей пахло холодом и мамиными сигаретами.

В гостиной всё было так же, как и вчера.

Мама спала на диване, свернувшись калачиком под старым пледом. Она выглядела маленькой, как ребёнок. Волосы

разметались по подушке, одна рука свесилась вниз, касаясь пола. Телевизор был выключен.

На журнальном столике — пустой стакан и бутылка. Наполовину полная.

Я подошла к ней, поправила плед — хотя она и так была укрыта. Убрала волосы с лица.

— С Новым годом, — прошептала я.

Не знаю, услышала ли она. Она не шевельнулась.

Я смотрела на неё и чувствовала пустоту. Не злость. Не обиду. Просто пустоту. Как будто между нами была невидимая стена, которую я не могла разрушить, а она — не хотела.

В коридоре меня встретила Лана.

Сонная, в пижаме с единорогами, с растрёпанными косичками. Она тёрла глаза кулачками и улыбалась — той улыбкой, от которой у меня всегда тепло внутри.

— Ты пришла! — она повисла у меня на шее, обхватила ногами за талию, как маленькая обезьянка. — А где подарки? Дед Мороз принёс?

Я невольно улыбнулась.

— Принёс, конечно. Но сначала мы позавтракаем.

— А что?

— А что хочешь?

— Пиццу!

— С утра пиццу?

— Ну пожалуйста!

Я вздохнула. Улыбнулась.

— Ладно. Пиццу, так пиццу.

Лана запрыгала на месте, захлопала в ладоши. Я достала из рюкзака маленькую коробочку, перевязанную голубой лентой. Кулон в форме солнца из серебра. Не дорогой — позолота уже начала стираться. Но красивый. Я копила на него несколько месяцев. С пособий и тех редких денег, которые иногда присылал отец.

— Спасибо! — Лана прижала коробочку к груди. — Ты самая лучшая!

Она чмокнула меня в щёку и убежала в комнату — показывать подарок плюшевому зайцу.

Я разогрела пиццу. Ту, что осталась ещё с прошлой недели, замороженную, с тонкой корочкой и жидким сыром. Лана ела, болтала ногами и рассказывала, как вчера она проснулась и смотрела по телевизору салют. Как она считала удары часов. Как загадала желание, чтобы я поскорее вернулась.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она с набитым ртом. — Я же загадала.

— Сильно загадала?

— Очень сильно. Закрыла глаза и даже дышать перестала, пока не загадала.

Я погладила её по голове.

— Молодец, малышка.

Я улыбалась. Кивала. Но мысли были где-то далеко. Там, где снег, фонари и его улыбка.

Потом я включила ей мультики. Старые, про приключения, которые мы смотрели сто раз. Лана устроилась на диване рядом со спящей мамой, укрылась пледом, и через пять минут уже не отрывала глаз от экрана.

Я упала на кровать.

Спать. Просто спать.

Я провалилась в темноту почти мгновенно.

Сквозь сон я услышала шаги. Кто-то ходил по коридору. Тяжёлые, неспешные. Мама.

Я открыла глаза.

Было уже поздно — часа три-четыре дня. Солнце клонилось к закату, за окном всё было белым, розовым, чуть фиолетовым. Я встала, пошла в ванную.

Вода была горячей, почти обжигающей.

Я стояла под душем долго. Намыливала волосы, смотрела, как стекает вода, как пар поднимается к потолку, как капли собираются на кафеле и падают вниз.

Он. Я думала о нём.

О том, как он улыбался. Той хищной опасной улыбкой под фонарём. О том, как сказал: «Обещаю». И о том, что он оказался тем самым мальчиком с озера.

Я не знала, верить ли в такие совпадения. Слишком красиво. Слишком не по-настоящему. Слишком похоже на начало какого-то фильма.

Но внутри что-то щёлкало. Как будто вселенная нако-

нец-то решила дать мне что-то. Что-то, что я не просила, но так хотела.

Я закрыла глаза. Представила его лицо. Чёрные волосы, чёрные глаза, тень от капюшона.

«Ещё увидимся».

Врёшь.

«Обещаю».

Когда я вышла, мама сидела на кухне.

Чайник уже вскипел, она держала кружку обеими руками — глиняную, с трещиной на ручке. На столе — пепельница с окурками. Три штуки. Может, больше — я не считала.

— Привет, — сказала я.

Она подняла на меня глаза. Красные, с припухшими веками. Она не выспалась. Или опять выпила. Может, и то, и другое.

Она ничего не ответила.

Я смотрела на неё. На её бледное лицо, на сломанные ногти, на то, как она сжимает кружку дрожащими пальцами.

Она не была злой. Она никогда нас не била. Она даже ругается редко. Но её нет. Её здесь нет.

Она как будто живёт в своём мире — в мире, где алкоголь согревает, а дочери сами справляются. В мире, где можно проснуться первого января, сесть на кухне и не спросить у дочери, где она была. Как дела. Жива ли вообще.

— Ты ела? — спросила я.

— Не хочется.

— Лана голодная. Ей нужна нормальная еда, а не то, что я разогреваю.

Мать поджала губы. Поставила кружку на стол.

— Ты права. Я схожу в магазин завтра.

— Завтра выходной. Всё закрыто.

— Тогда в понедельник.

— Мама.

— Что?

Я хотела сказать: «Ты когда-нибудь возьмёшь на себя ответственность?» Или: «Ты хоть понимаешь, что мы не должны тебя кормить?» Или: «Я устала. Я устала быть взрослой, когда ты сидишь и смотришь в стену».

Я ничего не сказала.

Она вздохнула. Встала, налила себе чаю — заварку сделала жидкую, почти прозрачную. Я заглянула в холодильник, там было почти пусто. Хлеб, масло, яйца — последние. Надо было закупиться до праздников, но она, конечно, забыла.

— Может, ты могла бы сейчас? — спросила я.

— Я устала, Молли. Дай мне отдохнуть.

Она взяла сигарету. Закурила. Отвернулась к окну.

Я смотрела на её профиль. На её плечи — опущенные, сломленные. На седые волосы, которые появились раньше времени.

Я хотела обнять её. Потому что она мне мама. Потому что я помню, какой она была когда-то — весёлой, смешливой, как она пекла блины по воскресеньям и смеялась с мной.

Я помню. Но та женщина исчезла.

Осталась эта — уставшая, пустая.

Я ничего не сказала. Просто вышла.

На кухне остался горьковатый запах дыма, недопитый чай и тишина. Тишина, которая была громче любых слов.

ГЛАВА 3

11 ЯНВАРЯ 2010

Понедельник тянулся бесконечно.

Первый день после каникул — время будто застывает. Ты смотришь на часы, а стрелка не двигается. Или двигается, но так медленно, что хочется вырвать её и перевести вперёд.

Я стояла у окна в школьном коридоре, прислонившись лбом к холодному стеклу. За ним — серое небо, мокрый асфальт, редкие прохожие, которые кутаются в куртки и спешат по своим делам. Зима. Слякоть. Время, когда всё кажется умирающим.

— Молли, ты с нами? — голос Кристи вырвал меня из мыслей.

— А? Да.

— Ты уже пять минут смотришь в одну точку, — сказала Майя, поправляя шарф. — С тобой всё нормально?

— Всё нормально, — я выдавила улыбку. — Просто не выспалась.

Они не поверили. Но не стали спрашивать.

Кристи поправила волосы, стрельнула глазами в сторону

лестницы. На ней был новый свитер — ярко-розовый, с вырезом на плече. Она явно ждала, чтобы кто-нибудь его оценил.

— Эндрю вчера рассказал кое-что, — начала она, понизив голос. — Помнишь того красавчика с вечеринки?

Майя поперхнулась чаем из пластикового стаканчика.

— Закашлялась? — усмехнулась Кристи.

— Ничего я не закашлялась, — ответила Майя, вытирая губы.

— Помнишь? — повторила Кристи, глядя на меня.

Я молчала. Смотрела в окно.

— Его зовут Нейт, — продолжила Кристи. — Ему семнадцать. Эндрю позвал его, чтобы тот продал немного травки. Ну, для компании.

— Кристи! — одёрнула её Майя. — Ты чего при всех?

— А кто здесь? — Кристи обвела рукой пустой коридор. — Никого. Только мы.

Я смотрела в окно. На мокрые ветки деревьев от растаявшего снега. На ворону, которая сидела на перилах и чистила перья.

Откуда она знает? Мы были одни. На том крыльце. Или она заметила? Или кто-то рассказал? Сердце кольнуло. Внутри всё сжалось. Я не хотела, чтобы кто-то знал. Не хотела, чтобы Кристи смотрела на меня так — с любопытством, с вопросом, с предупреждением.

Она не знала. Что я думаю о нём каждую ночь. Что его

голос вьелся в голову. Что я вспоминаю его улыбку и по телу пробегает дрожь.

— Он из Старого города, — добавила Кристи. — Ты знаешь этот район. За железнодорожной станцией.

Я знала.

Мы иногда проезжали мимо на автобусе. Серые коробки недостроенных домов с чёрными провалами окон. Ржавые краны. Заборы в граффити. Горы мусора, которые никто не убирал.

Внутри ночевали те, у кого не было денег даже на самую дешёвую комнату. Те, кого сломала жизнь. Те, кто ломал себя сам.

И он был оттуда. Из бетона и грязи.

— Там полно бездомных, — продолжала Кристи. — Торчки всякие. Говорят, даже полиция туда лишний раз не суётся.

— Кристи, ну зачем ты так? — вступилась Майя. — Не всё же измеряется районом.

— Я ничего, — пожалала плечами Кристи. — Просто предупреждаю. Вдруг Молли захочет с ним ещё увидеться.

Она посмотрела на меня. Я не поднимала глаз.

— Не захочу, он просто парень с вечеринки, — сказала я тихо.

— Ты вся прям светишься, когда о нём говоришь, — хихикнула Кристи.

— Я не говорю о нём.

— Именно.

Майя вздохнула, похлопала меня по плечу.

— Она просто шутит, — сказала она мягко. — Но будь осторожна.

Я кивнула.

Внутри меня грело не предупреждение. А то, что у него есть имя.

Нейт.

Нейт из Старого города.

Я повторяла его про себя, пока шла на урок. Нейт. Нейт. Нейт.

Я вошла в класс. Села за парту. Достала учебник, тетрадь, ручку.

Учительница начала лекцию. Я не слушала.

Я смотрела на доску и думала о нём.

О том, как он сидел на крыльце, затягивался, усмехался.

Я должна была испугаться. Должна была забыть его. Или вообще не обратить на него внимание.

Но чем больше я узнавала про него, тем сильнее хотела понять.

Почему он там, а не здесь? Почему он живёт, где нет будущего? И почему меня тянет к нему, как будто там — не тьма, а свет?

Может, потому что я сама выросла в доме, где мать иногда не вставала с дивана, а холодильник пустел к середине месяца.

Может, потому что я знаю — что такое жить в красивом доме, но быть сломленной внутри.

А он сломан снаружи. И это почему-то честнее.

— Молли! — учительница повысила голос. — Ты здесь?

— Да, — я вздрогнула. — Простите.

— Будь внимательнее.

Я кивнула, опустила глаза в тетрадь.

На чистом листе ручка вывела сама собой.

Нейт.

Я зачеркнула. Написала снова.

Нейт.

Посмотрела на это имя, потом на доску, потом в окно.

За стеклом моросил дождь.

— Тебе идёт, — шепнула Кристи с соседней парты.

— Что?

— Мечтать. Ты красивая, когда мечтаешь.

Я не ответила. Улыбнулась краем губ.

После уроков мы вышли на улицу. Дождь уже закончился, но ветер был холодный. Я застегнула куртку до подбородка.

— Ты домой? — спросила Майя.

— Да, — сказала я. — Устала.

— Завтра увидимся, — Кристи обняла меня. — Если будешь скучать по Нейту — звони мне.

— Обойдусь.

— Вот и правильно.

Она засмеялась, Майя покачала головой. Они ушли.

Я осталась одна.

На автобусной остановке было людно. Я встала в сторону, под навес, достала телефон.

Sony Ericsson W995. Папа прислал на Новый год. Сказал в смс: «Моей девочке. С праздником». Я тогда обрадовалась. А потом подумала: он даже не позвонил. Просто отправил посылку.

Телефон умел многое. Играл музыку, выходил в интернет, фоткал. Я редко им пользовалась по-настоящему — только для смс с Кристи и Майей, и для редких звонков Лане.

Я воткнула наушники, открыла плеер.

Песня бежала по кругу. «My Immortal». Evanescence. Я слушала её на повторе, глядя на мокрый асфальт, на лужи, в которых отражалось серое небо.

Я смотрела на экран. Вспоминала его голос.

Хриплый. Грубый.

Он не выходил из головы, а наоборот — въедался глубже.

В автобусе я села у окна. Достала телефон, открыла чат с Кристи.

«Что ещё Эндрю про него говорил?»

Ответ пришёл через минуту.

«Ничего. А что? Ты влюбилась что ли?»

Я не ответила. Просто выключила экран.

Автобус ехал. За окном проплывали дома, деревья, люди, которые спешили домой. Все куда-то спешили.

А я сидела и смотрела в одну точку.

Мы столпились у окна. Кристи залипала в телефоне, Майя расчесывала свои кудряшки, глядя в отражение зеркала. Эндрю подкатил к нам, жуя сэндвич. Томатная паста прилипла к уголку губ, он вытер её тыльной стороной ладони.

— В субботу вечеринка у меня, — объявил он, прожевав. — Родители уезжают. Дом будет свободен. Ты придёшь, Молли?

Я покачала головой.

— Не получится. Мне Лану забирать после школы.

Кристи надула губы.

— Ты вечно занята.

— Не вечно, — ответила я. — Но в этот раз — да.

Я не стала объяснять. Что мать может напиться к обеду. Что Лане нельзя оставаться с ней одной. Что я не могу положиться на неё.

Эндрю ухмыльнулся, поддел Кристи локтем.

— Может, у Молли свидание с учебником биологии. Говорят, раздел «Размножение» она уже выучила наизусть.

— Ага, — Кристи прыснула. — Теоретически. Практику, видимо, оставила на потом.

— Зато у нас с этим нет проблем, — ухмыльнулся Эндрю и приобнял Кристи, притянув к себе.

Она не сопротивлялась. Только улыбнулась — довольно,

хозяйски.

— Фу, ну вы и извращенцы, — скривилась я, отворачиваясь.

Но краем глаза я всё равно смотрела. Как он держит её за талию. Как она кладёт голову ему на плечо. Как им хорошо.

У меня так не было. Не с кем.

— Зато не лицемеры, — парировала Кристи. Чмокнула Эндрю в щёку — громко, вызывающе. — Ладно, жеребец. Посмотрим, как твоя теория заиграет на практике в субботу.

— Приходи, Молли, — сказал Эндрю, не оборачиваясь. — Без тебя будет скучно.

— Я подумаю, — соврала я.

Я закатила глаза, но краем губ всё равно улыбнулась.

Они ушли. Кристи что-то шептала ему на ухо, он смеялся. Майя поплелась за ними, оглянулась на меня.

— Ты идёшь? — спросила она.

— Да, — сказала я. — Догоню.

Я осталась у окна. Смотрела, как они сворачивают за угол. Как Кристи берёт Эндрю за руку. Как он сжимает её ладонь.

После школы я забрала Лану.

Она сидела на скамейке у крыльца, болтала ногами, тербила край портфеля. Увидела меня — улыбнулась. Щербинка между зубами, золотистые кудряшки выбились из-под шапки.

— Молли! — крикнула она. — А я тебя ждала.

— Я знаю, маленькая.

Я взяла её за руку. Ладонь холодная, пальцы в чернилах.

— Ты сегодня рисовала?

— Да! — она закивала. — Мы рисовали дом. У меня самый красивый получился. Учительница сказала.

— Покажешь?

— Дома.

Мы пошли.

Дорога до дома была недолгой. Я любила эти минуты. Только мы, только тишина, только её маленькая рука в моей.

Лана рассказывала, кто с кем поссорился, кто кого стукнул, кто кому дал списать. Я кивала, улыбалась, сжимала её пальцы.

Она не знала. Что я думаю о другом. Что моя голова занята не только учебой и супом на ужин.

Я зашла в квартиру с Ланой.

В прихожей пахло дымом сигарет. Тяжёлым, застоялым. Он въелся в стены, в одежду, в волосы.

Мать сидела за кухонным столом. Как всегда, на том же месте. У окна. Спиной к батарее.

Она похудела ещё сильнее.

Растянутый серый свитер висел на её плечах, как на вешалке. Ключицы выпирали из-под ворота. Её светлые волосы теперь наполовину поседели — тусклые, жёлтые пряди лежали на худых плечах, падали на лицо. Она не поправляла их.

Я никогда не видела её такой.

Домашние штаны с катышками были протёрты на коленях — она носила их уже несколько лет.

Перед ней лежала газета с вакансиями. Истопанная, исписанная карандашом. Одни объявления зачёркнуты, другие обведены. Рядом — старый кнопочный телефон. Потёртый корпус, потрескавшийся экран.

Она обзванивала объявления. Перебирала их, зачёркивала одно за другим.

— Есть что-то? — спросила я, помогая Лане снять куртку.

— В пекарню нужен уборщик, — ответила она, не отрываясь от газеты. — Рано утром.

Это была уже седьмая работа за три года.

Её увольняли за прогулы. За пьяный вид. Однажды она просто перестала ходить на смены. Не объяснила почему.

— Лана, иди руки мой, — сказала я.

Лана послушно пошла в ванную. Я слышала, как она включила воду, как напевала что-то себе под нос.

Я встала у плиты греть суп. Вчерашний, с фрикадельками. Доставала кастрюлю, ложку, тарелки.

Мать снова набрала номер.

— Добрый вечер, я по объявлению... — голос у неё был тихий, почти неслышный. — Да, да, конечно... Требуется опыт?... Хорошо, поняла...

Я помешивала суп и думала: сколько ещё?

Сколько раз она будет начинать сначала? Сколько раз я

буду верить, что в этот раз — получится?

Я перестала её об этом спрашивать. Всё равно ответа не будет. Или будет — но тот же, что и всегда.

«Я стараюсь». «Я смогу». «Не лезь не в своё дело».

Я разлила суп по тарелкам. Позвала Лану.

Мы сели за стол. Втроём. Мама, я, Лана.

Тишина. Только звон ложек.

Лана уплетала суп, иногда поднимала глаза, смотрела на маму, потом на меня.

— Мам, а Молли мне рассказала, что в субботу у её друзей вечеринка, но она никуда не пойдёт, — сказала она вдруг.

Мать подняла голову.

— Почему?

— Потому что меня забирать, — ответила Лана.

— Я могу забрать, — сказала мать.

Я посмотрела на неё. На её бледное лицо, на трясущиеся руки.

— В субботу ты будешь работаешь? — спросила я.

— Не знаю, — она отвела глаза. — Может, выходной дадут.

Я не ответила.

Потому что знала: она всё равно напьётся. Или не придёт. Или забудет. Я не могла рисковать.

Мы доели суп. Лана убежала в комнату — посмотреть мультики.

Я убрала посуду, вымыла тарелки, вытерла стол.

Мать всё сидела за столом. Смотрела в газету. Не читала — просто смотрела.

— Я схожу в субботу, — сказала я. — Если ты не против.

— Конечно, — она кивнула. — Иди.

Она не спросила куда. С кем. Во сколько.

Я не стала объяснять.

Я пошла в свою комнату. Села на кровать. Взяла телефон.

Написала Кристи:

«Я приду».

Ответ пришёл через минуту:

«Я знала!!!»

Я улыбнулась. Убрала телефон.

За окном темнело. Фонари зажигались один за другим.

Снега не было — только слякоть и холод.

Я легла на кровать, уставилась в потолок.

Думала о субботе.

О том, что я увижу его. Снова.

О том, что скажу. Или не скажу. Просто посмотрю.

Может, он даже не вспомнит меня.

Может, это и к лучшему.

Я закрыла глаза.

И заснула — в джинсах, не раздеваясь, не укрываясь одеялом.

25 ЯНВАРЯ 2010

Вечеринка была спокойной. Не той, где танцуют на столах.

Просто вечер. Пиво в пластиковых стаканчиках, карты, разложенные на журнальном столике, музыка из колонки, свет, который был слишком ярким, а хотелось приглушить.

Мы играли в покер. Эндрю мухлевал, Кристи закатывала глаза, Макс молча выигрывал, а Майя подсказывала ему, глядя в его карты. Я сжимала в руках стакан, кивала, улыбалась, вставляла «да», «нет», «точно». Но краем глаза всё время смотрела на дверь.

— А сегодня будут ещё ребята? — спросила Кристи, развалившись на подушках.

— А ты ещё кого-то ждёшь? — усмехнулся Эндрю. Перевёл взгляд на меня. — Неужели Нейта?

Я покраснела. Сердце ухнуло куда-то вниз. Посмотрела на Кристи.

Она пожала плечами.

— Да, Молли, — сказал Эндрю, сбрасывая карту. — Ты сохнешь по нему.

— Это не правда, — ответила я слишком быстро. — Я видела его один раз в жизни. И то пару минут.

Ну, может, два. Если считать ту встречу на озере, когда мы были детьми.

— А он придёт? — спросила я как бы невзначай, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Эндрю засмеялся.

— Ну вот тебе и доказательства.

Кристи фыркнула. Макс покачал головой.

— Нет, Молли, он не придёт, — сказал Макс, раскладывая карты веером. — Ты бы слышала, как эти голубки ругались. — Он кивнул на Кристи и Эндрю. — Когда Кристи спалила его с косяком. Ты такое представление пропустил.

— С тех пор она сказала: никаких диллеров, — добавил Эндрю, разводя руками.

— Но он не диллер, — вступилась я.

— Откуда тебе знать? — закатила глаза Кристи.

Я замолчала.

Допила пиво из стаканчика. Поставила его на стол. Карты выпали из рук — кто-то уже начал новую партию без меня.

Внутри — пустота. И злость. На Кристи. Хотя это было неправильно. Она ничего плохого не сделала. Она просто... не понимала. И не знала, что я хотела его увидеть. Поговорить. Хотя бы посмотреть на него.

Я смотрела на дверь. Она не открывалась.

Макс выиграл очередной кон. Эндрю швырнул карты на стол. Кристи засмеялась. Майя улыбнулась и прижалась к Максу.

В голову забрались мысли: «Лучше бы я осталась дома».

Лучше бы я сидела сейчас на кухне с чашкой чая, проверяла, как Лана сделала уроки, укрывала её одеялом и была уверена, что с ней всё в порядке. Что она спит. Что никто не кричит. Что мать не пьяна.

Но я сидела здесь. Среди друзей. Среди смеха. И ждала того, кто не придёт.

Вечеринка была спокойной. Не той, где танцуют на столах. Просто вечер. Пиво в пластиковых стаканчиках, карты, разложенные на журнальном столике, музыка из колонки, свет, который был слишком ярким, а хотелось приглушить.

Мы играли в покер. Эндрю мухлевал, Кристи закатывала глаза, Макс молча выигрывал, а Майя подсказывала ему, глядя в его карты. Я сжимала в руках стакан, кивала, улыбалась, вставляла «да», «нет», «точно». Но краем глаза всё время смотрела на дверь.

— А сегодня будут ещё ребята? — спросила Кристи, развалившись на подушках.

— А ты ещё кого-то ждёшь? — усмехнулся Эндрю. Перевёл взгляд на меня. — Неужели Нейта?

Я покраснела. Сердце ухнуло куда-то вниз. Посмотрела на Кристи.

Она пожала плечами.

— Да, Молли, — сказал Эндрю, сбрасывая карту. — Ты сохнешь по нему.

— Это не правда, — ответила я слишком быстро. — Я видела его один раз в жизни. И то пару минут.

Ну, может, два. Если считать ту встречу на озере, когда мы были детьми.

— А он придёт? — спросила я как бы невзначай, стараясь,

чтобы голос звучал равнодушно.

Эндрю засмеялся.

— Ну вот тебе и доказательства.

Кристи фыркнула. Макс покачал головой.

— Нет, Молли, он не придёт, — сказал Макс, раскладывая карты веером. — Ты бы слышала, как эти голубки ругались. — Он кивнул на Кристи и Эндрю. — Когда Кристи спалила его с косяком. Ты такое представление пропустила.

— С тех пор она сказала: никаких диллеров, — добавил Эндрю, разводя руками.

— Но он не диллер, — вступилась я.

— Откуда тебе знать? — закатила глаза Кристи.

Я замолчала.

Допила пиво из стаканчика. Поставила его на стол. Карты выпали из рук — кто-то уже начал новую партию без меня.

Внутри — пустота. И злость. На Кристи. Хотя это было неправильно. Она ничего плохого не сделала. Она просто... не понимала. И не знала, что я хотела его увидеть. Поговорить. Хотя бы посмотреть на него.

Я смотрела на дверь. Она не открывалась.

Макс выиграл очередной кон. Эндрю швырнул карты на стол. Кристи засмеялась. Майя улыбнулась и прижалась к Максу.

В голову забрались мысли: «Лучше бы я осталась дома».

Лучше бы я сидела сейчас на кухне с чашкой чая, проверяла, как Лана сделала уроки, укрывала её одеялом и была

уверена, что с ней всё в порядке. Что она спит. Что никто не кричит. Что мать не пьяна.

Но я сидела здесь. Среди друзей. Среди смеха. И ждала того, кто не придёт

ГЛАВА 6

25 МАРТА 2010

Мы спустились к Саве, когда солнце уже клонилось к закату. Небо над холмами горело розовым и оранжевым, вода отражала эти цвета, и казалось, что весь мир замер в ожидании чего-то хорошего. Воздух был тёплым, почти летним — пахло рекой, травой и свободой.

Мы скинули куртки прямо на траву. Эндрю стянул кроссовки, закатал джинсы — хотя в воду никто не лез, мы только болтали ногами с пирса. Старый пирс. Доски помнили наши шаги ещё с прошлого года. Весной и летом, когда становилось тепло, мы собирались здесь почти каждую пятницу и выходные. Иногда с пивом, иногда просто так. Сидели, болтали, смотрели, как солнце садится за холмы. И каждый раз думали, что так будет всегда.

Сегодня был именно тот день. Когда не надо никуда спешить. Когда можно просто сидеть и дышать.

Эндрю развалился на досках, подложив под голову рюкзак. Жевал травинку, шурился на воду.

— А вот вопрос, — сказал он философски. — Если бы вы могли стать любым овощем, то каким бы вы стали?

— Ты реально сейчас это спросил? — Кристи закатила глаза, но улыбнулась.

— А что? Это важно.

— Огурцом, — сказала я, не подумав.

Повисла тишина. Потом Кристи залилась смехом. Майя прикрыла рот рукой.

— Что? — не поняла я, переводя взгляд с одной подруги на другую.

— Ничего, — Кристи спрятала улыбку. — Просто... это очень тебя характеризует.

— Огурец — это круто, — вступился Эндрю. — Зелёный, хрустящий. С ним можно сделать салат. Или просто так съесть.

— Ты сейчас говоришь про овощ? — уточнила Кристи.

— Про что же ещё?

— Не знаю.

Эндрю приподнялся на локтях, посмотрел на Кристи с притворной обидой.

— Я бы стал перцем, — сказал он с серьёзным лицом. — Острым. Маленьким, но горьким.

— Ты и так горький, — Кристи ткнула его в бок. — И маленький.

— Это ты погоди про маленького, — он притянул её к себе, обхватил за талию.

Она не сопротивлялась. Только улыбнулась — довольно, широко.

— Фу, — сморщилась я, но беззлобно.

— А что? — Кристи сделала невинные глаза. — У нас любовь, между прочим, не то что у некоторых.

Она выразительно посмотрела на Майю и Макса. Майя покраснела — мгновенно, до корней волос. Макс отодвинулся на два сантиметра, делая вид, что не заметил.

— Оставь их в покое, — сказала я.

— Не могу. Это моё призвание — сводить людей.

— Ты кого свела?

— Эндрю, например. Он раньше был нормальным, а теперь вон какой.

— Я всегда был ненормальным, — отозвался Эндрю, не отрываясь от неё.

— Это правда, — подтвердила я.

— Спасибо за поддержку, — он приложил руку к сердцу.

Кристи щёлкнула его по носу, встала, потянулась к телефону.

— Всем стоять! Фоткаемся на память, пока мы ещё молодые и красивые.

— А через год мы будем старые и страшные? — спросила Майя.

— Через год ты будешь такой же, — сказала Кристи, наводя камеру. — А Эндрю уже облысеет.

— Честно? — Эндрю провёл рукой по волосам. — Я готов к этому. Главное, чтобы ты меня любила.

— Скажешь тоже, — Кристи прыснула, но я заметила, как

она смутилась.

Кристи щёлкнула нас всех на переднюю камеру: я с бутылкой пива, Кристи, показывала язык, Эндрю с его вечной ухмылкой, Майю, которая прикрыла лицо ладошкой и смеялась, Макса, который будто не знал, куда деть руки. Он стоял с ней рядом, чуть ближе, чем обычно. Она не отодвигалась.

— Готово, — Кристи опустила телефон. — Теперь официально: этот вечер войдёт в историю.

— Какую историю? — спросил Макс, поправляя воротник рубашки.

— Нашу, — ответила она просто.

Мы помолчали. В динамиках заиграло что-то медленное, почти грустное. Кто-то включил плейлист, и музыка поплыла над рекой, смешиваясь с запахом воды и вечера.

Эндрю сделал глоток пива — и пролил на штаны.

— Вот, — вздохнул он, глядя на тёмное пятно. — А ты говоришь, романтика.

— Романтика в другом, — Кристи поднялась, протянула ему руку.

— В чём же?

— Пошли, я покажу.

Она повела его к краю пирса. Не объясняя, не оборачиваясь. Эндрю пошёл за ней — как всегда, без лишних вопросов.

Она обхватила его за шею, положила голову на плечо. Эндрю даже не пошутил. Просто обнял её в ответ.

Они стояли, прижавшись друг к другу, и смотрели на воду. Солнце уже село, но на небе ещё горели розовые полосы. Ветер стих.

— Смотри, — шепнула мне Майя, кивнув на них.

— Чего?

— Просто они... счастливы.

Майя сказала это так, будто увидела что-то редкое, почти исчезнувшее. Счастье. Настоящее. Не выдуманное.

Я смотрела на них. На Эндрю, который был дураком, но почему-то умел быть нежным. На Кристи, которая всегда громко смеялась, а сейчас молчала.

— Им хорошо, — сказала я.

— Да, — ответила Майя.

Мы помолчали. Макс сидел рядом, смотрел на воду, но я видела, как он косится на Майю. Как ему хочется сделать то же самое — обнять, прижать к себе. Но он стеснялся. Или боялся.

Солнце тем временем совсем село за холмы, и воздух стал прохладнее. Макс поёжился, потёр руки.

— Давайте костёр разведём? — предложил Эндрю, отрываясь от Кристи. — А то замёрзнем тут как цыплята.

— Ты умеешь? — спросил Макс.

— Нет, — честно ответил Эндрю. — Но попробовать можно.

Макс кивнул, поднялся:

— Я схожу. За хворостом.

— Я помогу, — сказала Майя.

Она подняла голову, встретилась с ним взглядом. Замялась. Потом встала.

— Ты не обязана, — сказал Макс, но почему-то замедлил шаг, когда она встала рядом.

— Я знаю, — ответила Майя.

Они пошли к опушке. Шли близко. Плечом к плечу. Я смотрела им вслед.

— Они хорошо смотрятся вместе, — сказал Эндрю, подходя ко мне.

— Да, — ответила я.

— Не переживай, — он похлопал меня по плечу. — Твой красавчик найдётся.

— Какой красавчик?

— Нейт. Я про него всё знаю.

— Ничего ты не знаешь, — ответила я.

Эндрю усмехнулся. Не стал спорить.

Кристи подошла, встала рядом. Вечер уже опустился на пирс. Фонарей здесь не было — только свет от телефонов и далёкие огни города на другом берегу.

Я смотрела на тёмную гладь реки, на первые звёзды, которые зажигались одна за другой.

И думала: вот оно. Счастье. Оно не громкое. Оно не вечное. Оно просто — здесь, пока мы вместе.

Макс и Майя вернулись через десять минут. Раскрасневшиеся. Несли хворост и сухие ветки. Кто-то нашёл старую

газету, кто-то — спички.

Эндрю развёл костёр. Не с первой попытки — со второй. Огонь лизнул бумагу, перекинулся на ветки, загорелся — робко, но уверенно.

Мы сели вокруг. Кто-то на брёвнышке, кто-то на куртке, кто-то прямо на траве.

— Вот теперь хорошо, — сказал Эндрю, протягивая руки к огню.

— Ага, — ответила Кристи.

Она сидела между его ног, прислонившись спиной к его груди. Он обнимал её. Она не ёрзала.

— Красиво, — прошептала Майя.

— Что?

— Всё.

Я посмотрела на неё. На Макса. На Кристи. На Эндрю.

На огонь, который плясал в темноте. На звёзды, которые стали ярче.

Я запомнила этот вечер.

На всякий случай.

ГЛАВА 7

12 АПРЕЛЯ 2012 ГОД

Два года прошло. Я перешла на следующий курс гимназии. Всё то же самое — уроки, домашние задания, дурацкая форма. Я решила для себя: жизнь не остановилась на одном человеке, которого я видела один раз в своей жизни. Точнее

— не один раз. Но неважно. Я не хотела больше ждать. Не хотела вспоминать.

Я решила начать новую жизнь.

Именно поэтому, когда Грегор пригласил меня на свидание, я согласилась. Не потому что он мне нравился. А потому что я хотела доказать себе — я могу. Я могу жить дальше. Могу быть нормальной.

Он был высокий, неуклюжий, с вечно красными ушами. Подошёл ко мне в столовой, прямо в очереди за булочками. Стоял сзади, переминался с ноги на ногу, мял край рюкзака, смотрел в пол. Я уже хотела повернуться, но он выпалил:

— Ты не хочешь... ну... куда-нибудь сходить? Со мной?

Свидание. Настоящее.

Я сказала «да». Просто хотелось почувствовать, что я нормальная. Что меня можно хотеть. Что я не сломана.

Сегодня я стояла у кафе, куда мы договорились пойти.

Ждала его уже сорок минут. Тёрла руки, прыгала с ноги на ногу — апрельский ветер пробирал до костей, а я, дура, надела тонкое короткое пальто. Волосы разметало по лицу, губы замёрзли, нос покраснел.

Я смотрела на дверь кафе. Никого.

Потом на телефон. Ничего.

Потом в конец улицы — и увидела чёрную машину. Она медленно вырулила из-за угла, катилась вдоль тротуара, будто искала кого-то. Или присматривалась. Притормозила прямо напротив меня. Фары мигнули — один раз, коротко.

Я замерла.

— Грустишь и мёрзнешь?

Я сначала не поняла, что обращаются ко мне.

— Я? — переспросила я, оглянувшись.

— Ну не я же. Мне тепло.

Я прищурилась в темноте.

Машина была громкая, с хриплым выхлопом, будто зверь, который вышел на охоту. Двигатель урчал, из выхлопной трубы валил пар. Капот блестел под фонарями, стёкла тонированные — ни черта не разглядеть

Я разглядела только силуэт. Высокий, широкий в плечах. Волосы падали на лоб. И улыбка — хищная, опасная, от которой у меня внутри всё перевернулось. Это был он.

Он.

Новая жизнь. Я же решила начать новую жизнь. Забыть. Не оглядываться. Быть нормальной. Все эти мысли как будто развеялись апрельским ветром, от которого у меня сейчас постукивали зубы.

Сердце упало в желудок.

— Садись давай, — сказал он.

Я замялась. Но послушалась.

Открыла дверь, села на пассажирское сиденье. Кожаное, продавленное, холодное. В машине пахло травкой и бензином. Ещё чем-то сладковатым, тяжёлым — незнакомым.

— На кафе у меня денег нет, — сказал он, не поворачиваясь. — Но я могу приготовить что-нибудь сам. Как тебе

идея?

Я не могла до конца рассмотреть его в темноте. Только профиль. Длинный нос, скулы, челюсть, которая была напряжена. Глаза — чёрные, блестящие, как мокрая галька.

Мы поехали в сторону Старого города.

— Ты здесь живёшь? — спросила я осторожно.

— Рядом, — ответил он хрипло.

Повисла тишина. Только шум мотора и шелест шин по гравиию.

Я смотрела в окно, но ничего не видела. Чувствовала его взгляд — даже когда он смотрел на дорогу. Он знал, куда едет. А я — нет.

— Меня Молли зовут. Молли Майер. — выпалила я.

Он усмехнулся. Не поворачивая головы.

— Я знаю.

У меня внутри всё оборвалось.

Откуда? Откуда он знает моё имя? Я не говорила.

Он следил за мной? Или просто спросил у кого-то?

Откуда он знает?

Я молчала. Смотрела на его профиль. На татуировку, выходящую из-под рукава.

— Не бойся, — сказал он, не глядя на меня. — Я не кусаюсь.

— Я не боюсь — ответила я тихо.

Он усмехнулся.

Мы свернули на грунтовку. Дома кончились. Фонарей не

было. Только фары выхватывали кусок дороги.

Я сжала ремень сумки.

Я в машине у незнакомца. Который знает моё имя. И везёт меня в Старый город.

Почему я не боюсь?

Машина свернула с грунтовки, и в свете фар показался дом. Старый. Двухэтажный. С облупившейся краской на фасаде — когда-то белой, теперь серой, мокрой от апрельской сырости. Над крышей торчали чёрные провода, как вены, которые тянулись к небу.

Нейт заглушил мотор. Тишина ударила в уши. Я слышала только своё дыхание и стук сердца.

Мы поднялись на второй этаж. Лестница скрипела. Пахло сыростью, старым деревом.

Он открыл дверь ключом — долго возился, матерился тихо под нос.

Я ждала.

Потом дверь поддалась.

Квартира была маленькой, тесной. Едва войдя, я ударилась плечом о косяк.

— Осторожно, — сказал он. Без улыбки.

В нос ударило хлоркой и стиральным порошком. Как в прачечной — только без белья. Чисто, но бедно.

Я остановилась в прихожей. Смотрела.

Гостиная крошечная. Посередине — диван, выдавший ви-

ды, застеленный тёмным пледом. Продавленный, неудобный, но уютный. Широкий подоконник использовался как журнальный столик — на нём лежали ключи, зажигалка, пачка сигарет, пустая кружка.

На полу, аккуратными стопками, лежали вещи. Шкафа не было. Только стопки: футболки, джинсы, толстовки. Всё чёрное или серое.

В углу — колонка и диджейская установка. Наушники висели на спинке стула.

Света не было.

Вместо него — гирлянды. Они висели на стенах, на окнах, на спинке дивана. Тёплый, жёлтый свет делал эту маленькую тесную квартиру уютной. Почти интимной. Как убежище.

Я почувствовала себя не чужой здесь. Будто этот свет приглашал: *останься. Не бойся.*

Он прошёл на кухню.

Включил плиту. Достал грибы, спагетти, лук. Нож, разделочную доску, сковороду.

— Можешь сидеть где хочешь, — бросил он через плечо.

Я забралась на кухонную столешницу. Болтала ногами. Кеды стучали о фасады шкафчиков — тихо, ритмично.

Я смотрела, как он готовит.

Он двигался медленно, уверенно. Не смотрел на меня. Словно мы делали это тысячу раз.

Он делал пасту и пил вино из бокала. Тёмно-красное, густое.

— Будешь? — предложил он.

— Нет, — поморщилась я. — Мне завтра в гимназию.

— Ладно, — сказал он.

Он помешивал соус длинной ложкой. Медленно. Не глядя на меня.

— Пахнет очень вкусно, — сказала я, чтобы нарушить тишину.

— Ещё бы, — он бросил быстрый взгляд в мою сторону.

— Прекращай вытирать своей красивой попкой мою кухню и садись есть.

Я надула губы. Но в душе обрадовалась комплименту. Он заметил. Я видела по краю его губ — чуть дрогнули.

Он поставил передо мной тарелку. Спагетти с грибами, посыпанные пармезаном. Пахло невероятно.

— Очень вкусно, — сказала я, жуя. — Где ты научился так готовить?

Он улыбнулся. Своей той самой улыбкой — ленивой, уверенной, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— У меня мама шеф-поваром работала. Долгое время.

— Вау, — ответила я.

Он не сказал: «сейчас работает». Я не стала спрашивать. Побоялась.

После ужина.

Я предложила помыть посуду.

Он отказался.

Снял худи. Потом майку — под ними оказалась ещё одна

майка, чёрная, обтягивающая.

Я выдохнула. Сама не заметила, что задержала дыхание.

Он принялся мыть. А я осталась сидеть, смотреть на него.

Он был большим. Его спина была широкой. Правая рука — вся в татуировках. Дракон, череп, какие-то письмена, узоры. При тусклом свете гирлянд я не могла рассмотреть их все. Но мне хотелось дотронуться. Провести пальцами по линиям. Спросить, что они означают.

— Ты пялишься, — сказал он, не оборачиваясь.

— Ещё чего, размечтался.

— Врёшь.

— Немного.

Он выключил воду. Вытер руки. Медленно повернулся ко мне.

— Идём.

Он взял меня за руку — его рука была тёплая, с длинными пальцами.

Усадил на диван. Включил проектор.

Стену залил свет. Какой-то боевик — громкий, с перестрелками, с героями, которые не боятся смерти. Я не запомнила название. Я вообще ничего не запоминала, когда он был рядом.

Мы молча смотрели.

Я поджала ноги под себя.

— Тебе холодно? — спросил он, не отрываясь от экрана.

— Немного, — сказала я.

Я надеялась, что он меня обнимет.

Вместо этого он укрыл меня пледом. Шерстяным, колючим, но тёплым. Пахло стиральным порошком и им.

Мы смотрели дальше.

Тишина была густой, как сироп. Я чувствовала его плечо рядом. Такое близкое, такое твёрдое. Не решалась прижаться.

А потом меня сморило.

Ужин, плед, тепло гирлянд — я провалилась в сон. Не заметила, как закрыла глаза.

Только краем сознания почувствовала, как он поправил плед. Накрыл меня до плеч. Убрал волосы с лица.

И я подумала: *«Боже, пожалуйста, не прекращай этого. Никогда не прекращай».*

Не знаю, сказала я это вслух или нет.

Наверное, нет.

Но мне показалось, он услышал.

И я заснула.

Под тёплым пледом. В его квартире. С ним рядом.

ГЛАВА 8

12 АПРЕЛЯ 2012 ГОД

Я проснулась от того, что солнце било в глаза.

Диван был пуст. Его не было. Простыня остыла, плед сполз на пол. Я села, огляделась. Комната при свете выглядела иначе — потёртая, неубранная, с пылью на подоконни-

ке, с паутиной в углах. Вчерашние гирлянды горели тускло, днём они казались блёклыми, почти серыми.

На подоконнике — записка. Вырванный листок из тетради. Неровные буквы, почти детские:

«Буду ждать тебя сегодня в 18:00. Заберу от твоего дома».

Я перечитала три раза. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы дрожали, когда я складывала листок и прятала в карман джинсов.

Головой я понимала: это начало чего-то страшного. Того, от чего я потом не смогу отказаться. Того, что сломает меня, а я всё равно буду улыбаться, потому что он рядом.

Но внутри, там, где живут самые глупые, самые отчаянные желания, мне хотелось этого. Хотелось так сильно, что зубы сводило. Что ладони взмокли. Что я чуть не закричала от пустоты — потому что его нет рядом, а значит, мир снова стал серым и неправильным.

Потом я задумалась. Откуда он знает, где я живу? Я не говорила. Не показывала.

Он что, следил? Или спросил у Эндрю?

Я отогнала мысли. Побоялась ответа.

Я встала. Сложила плед. Посмотрела на подоконник, на пустой бокал, на его вещи, аккуратно сложенные на полу. На гирлянды, которые всё ещё горели — он, наверное, забыл их выключить.

И я улыбнулась. Сквозь страх. Сквозь «не надо». Сквозь

голос в голове, который кричал: *«остановись, пока не поздно»*.

Я не остановилась.

После школы я летела домой как на крыльях.

В голове гудело: он ждёт. Он сказал — заберу. Он написал — буду ждать.

Я переделалась три раза. Джинсы — те, что поуже. Кеды — белые, но уже не совсем. Лонг — тонкий, красный, без лифчика. Посмотрела в зеркало и подумала: «Ты сошла с ума».

Но я не могла остановиться. Руки дрожали, когда я расчёсывала волосы. Сердце колотилось, когда я услышала с улицы знакомый звук мотора.

Чёрная BMW. Он приехал.

Я вылетела в коридор.

Мать стояла у двери в гостиную. Трезвая. Уже полгода как держалась — я не знала, как у неё это получается, но она старалась.

— Это за тобой? — спросила она, кивнув на окно.

— Угу.

— Ничего не хочешь мне сказать?

Я посмотрела на неё. На её седые волосы, на усталые глаза, на то, как она сжимала край футболки, будто боялась меня отпустить.

— Нет, — ответила я. — Всё нормально. Я не поздно.

Она хотела что-то добавить, но промолчала. Только

вздохнула и кивнула.

Я выбежала на улицу. Села в машину. Хлопнула дверцей.

— Привет, — сказала я тихо.

— Привет, — ответил он.

Мы ехали молча.

По радио играло что-то тихое, незнакомое. Я смотрела на его профиль — на линию челюсти, на татуировку, выползающую из-под рукава, на пальцы, сжимающие руль.

На заднем сиденье звенели бутылки. Я обернулась — три бутылки вина, клубника в пластиковом контейнере, апельсины.

— Это всё нам? — спросила я.

Он усмехнулся.

— Как захочешь.

Мы зашли в знакомую мне квартиру.

Солнце уже заходило, и поэтому в окне виднелся красно-оранжевый закат, который падал линиями на стены. Комната казалась уютнее, чем утром. Гирлянды ещё не зажглись, но их провода свисали со стен, напоминая о вчерашнем вечере.

— Проходи, чего стоишь.

— Засмотрелась просто.

Нейт усмехнулся, обойдя меня с бутылками и фруктами. Он поставил всё на подоконник. Я плюхнулась на диван — на тот самый, на котором заснула вчера. Тот, на котором он накрыл меня пледом.

— Ты голодная?

— Нет, спасибо. Я успела перекусить дома.

— Ты уверена? Вино пить на голодный желудок — не очень.

— Да, всё нормально.

Нейт взял два бокала, открыл бутылку зубами — я даже ахнуть не успела — и разлил. Вино было тёмно-красным, густым, почти чёрным в полумраке.

Закат становился всё ярче, золотистые лучи проходили сквозь стекло бокалов, превращая вино в расплавленный янтарь.

Он подключил аппаратуру к колонке и включил Nirvana — «Where Did You Sleep Last Night».

Протянул мне бокал.

— За встречу.

Я улыбнулась и осушила бокал за один раз.

— Эй! — он в недоумении уставился на меня. — Ты что делаешь?

— Я просто... я просто немного нервничаю.

— Почему? — улыбнулся он.

— Не знаю.

— У тебя был парень?

— Эмм... нет.

— Чёрт. Ты серьёзно?

— Да...

Нейт сел рядом, поставил локти на колени, опустил голову

на руки.

— Тебе семнадцать — и у тебя не было парня?

— Почему ты так удивляешься?

Я была в недоумении. И меня этот разговор начинал подбешивать — то ли вино так подействовало, то ли он так действовал на меня.

— Хорошо. А на свидания ты ходила?

— Вот на одно пошла. Вместо этого приехал ты.

Нейт усмехнулся своей улыбкой. Допил бокал. Взял бутылку и подлил ещё.

— Только не спеши, ладно? — сказал он. — Можно наслаждаться.

Я кивнула.

Он встал, подошёл к диджейскому пульту и начал играть музыку. *Dereche Mode* с какой-то другой группой — я не узнала, но начала в такт кивать головой.

— Вставай.

— Что?

— Пойдём.

Он потянул меня за руку, приобнял за талию, и мы начали танцевать. Кружиться. Прыгать. Его руки — тёплые, уверенные — сжимали мою талию, и я чувствовала каждое его движение. Пальцы скользили по спине, притягивали ближе, не давали отстраниться.

Я смеялась. Наступала ему на ноги. Путалась в движениях.

— Не торопись, — шепнул он мне в ухо.

И я не торопилась. Я хотела, чтобы этот танец не кончался никогда.

Нейт подал мне бокал и взял свой с подоконника.

— За то, чтобы у тебя наконец-то появился парень, — подмигнул он.

Я надула губы и допила бокал до конца.

Музыка гремела. Я почти не слышала его. Мне пришлось подойти ближе. От него пахло вином, мятным шампунем и сигаретами.

— А соседи не будут против? — спросила я, указывая на колонку.

Нейт заулыбался.

— Их здесь нет. В этом доме всего четыре квартиры. И только я здесь живу. Его должны были снести, но не могут, пока я не подпишу согласие.

Я закусила нижнюю губу и задумалась.

Нейт посмотрел на меня. Долго. В упор. Его глаза скользнули по моим губам, задержались. Потом он медленно, очень медленно, поднял руку.

Провёл своим большим пальцем по моей нижней губе.

Сначала просто коснулся. Потом повёл — от уголка к середине, от середины к уголку. Чуть надавил. Оттянул губу вниз — и отпустил.

Я замерла.

Дыхание остановилось. Сердце пропустило удар.

Его палец замер на моих губах. Я чувствовала его тепло, шершавую кожу, лёгкое давление. Внизу живота что-то сжалось.

Он не торопился. И я не дышала.

Потом он убрал руку. Улыбнулся — своей хитрой, ленивой улыбкой.

А я всё ещё не могла выдохнуть.

Он отошёл к пульту.

Внизу живота что-то скрутило. По телу разлилась мелкая дрожь.

— Слушай, — сказал он, не оборачиваясь. — Я не хочу показаться каким-то плохим. Скажу как есть. У меня есть «волшебная штука». Если хочешь, могу поделиться.

Я не сразу поняла, о чём он.

Слова всплыли из ниоткуда, чужие, липкие. Я слышала голос Кристи: *Он диллер*, наркоторговец, будь осторожна. И другой голос — Эндрю: «Он в прошлый раз нам такой отборной травки привёз».

Но я откинула эти мысли. Потому что была как зачарованная. Зачарованная им. Меня всё в нём манило — его запах, его движения, его голос, его улыбка. Он был как магнит для меня.

— Нет. Я таким не балуюсь.

— Тогда я с твоего позволения закинусь.

Он достал из кармана джинсов свёрток. Там была таблетка. Он положил её в рот, взял бутылку вина и запил.

Мне хотелось возразить. Хотелось, чтобы он этого не делал. Но я побоялась. Даже будучи выпившей, я побоялась.

От него исходила опасность — не страх, что он причинит мне боль, а именно опасность. Возможно, это и манило.

Нейт открыл вторую бутылку и подлил вино в бокалы.

— А тебе утром не будет плохо? — спросила я мягко.

— Надеюсь, нет.

Я отошла к окну.

Уже было темно. В небе светила полная луна — огромная, холодная, серебряная. Я всматривалась в темноту и пыталась понять, что я здесь вообще делаю.

Может, я здесь не должна была быть.

Нейт подошёл сзади и обнял меня за талию. Его руки легли на мой живот. Он уткнулся носом в мои волосы и шепотом сказал на ухо:

— Ты очень красивая. А твой запах сводит меня с ума.

Мурашки побежали по коже. Я закрыла глаза, поддалась музыке.

Его руки скользнули мне под кофту. Мои соски уже затвердели и торчали через тонкую ткань. Его пальцы поднялись выше, дотронулись до моей груди.

Потом он затормозил. Опустил руку.

Я открыла глаза в недоумении.

— Прости, — прошептал он. — Я не хотел.

Я развернулась и посмотрела в его глаза. В комнате было темно, лишь гирлянды подсвечивали пространство. Но даже

так я увидела, что его зрачки на весь глаз. Глаза чёрные, как вид из его окна сейчас.

— Всё хорошо, — прошептала я.

— Молли, — выдохнул он.

Он поднял руку. Медленно. Взял моё лицо в ладони — большие, тёплые. Замер на секунду. Смотрел. Потом одна его рука скользнула вниз. К щеке. К подбородку. К шее. Он обхватил её — не сильно, но уверенно.

Большой палец нажал чуть ниже уха. Я почувствовала, как бьётся пульс под его пальцами.

Он не целовал. Ждал.

Я слышала его дыхание — глубокое, хриплое. Чувствовала его тепло. Гирлянды мерцали. Где-то далеко играла музыка.

Потом он наклонился.

И поцеловал меня. Жадно. Страстно. Так, будто он ждал этого тысячу лет.

Я отвечала. Его язык скользнул по моей нижней губе — медленно, лениво, дразняще. Обвёл, втянул, отпустил. Потом углубился. Проник. Я чувствовала его вкус — вино, что-то сладковатое, тяжёлое. Он обводил мой язык, заставлял меня выгибаться навстречу.

У меня подкосились ноги.

Его рука сжимала мою шею. Не отпускала — властно, но не грубо. Вторая спустилась мне на талию, он придерживал, прижимал меня к себе так, что я чувствовала его живот, его

грудь, его дыхание. Внизу живота разлилось горячее, тягучее желание.

Меня начало трясти.

— Всё хорошо, — прошептал он мне в губы. — Я держу тебя.

Он приподнял меня и усадил на подоконник. Холод стекла обжег спину даже через кофту. Я обвила его ногами. Его бёдра прижались к моим — я чувствовала его твердость даже через джинсы.

Мы целовались снова. Медленнее. Глубже.

— Возьми меня, — простонала я. Голос чужой, хриплый.

— Молли, я не могу. Не сейчас.

— Пожалуйста.

— Я не в том состоянии, чтобы дать тебе то, что ты хочешь.

— Не останавливайся, — умоляла я. — Пожалуйста.

Он посмотрел на меня. Долго. В упор. Я слышала, как стучит его сердце. Или моё — я не разбираю.

Потом его руки скользнули к моей талии. Он замер на секунду. Всё ещё смотрел в глаза. Не отводил взгляд.

И стянул с меня джинсы.

Резко. Одним движением. Ткань скользнула по бедрам, по коленям, упала на пол. Я осталась в одних трусиках — тонких кружевных. Он смотрел. Я чувствовала его взгляд — тяжелый, жадный.

Потом просунул свои длинные пальцы ко мне в трусики.

— Какая ты мокрая, — сказал он. Не спросил — констатировал.

— Я... да.

Он начал рисовать разные фигуры. Медленно. Дразняще. Сначала круги, потом восьмерки, потом просто водил пальцами по клитору, не нажимая, не углубляясь, только дразня.

Я задышалась. Мне казалось, я сейчас взорвусь. Каждое его прикосновение отдавалось в низу живота пульсацией. Я подавалась навстречу, хотела большего, глубже, сильнее.

— Не спеши, — сказал он.

Затем нажал. Прямо на клитор — твердо, уверенно. У меня закружилась голова. Я схватилась за его плечи, вцепилась ногтями.

— Подожди, красотка. Не кончай. Я ещё не закончил.

Он опустился на колени.

Прямо на холодный, грязный пол перед подоконником.

Он стянул с меня трусики. Кружево скользнуло по ногам, упало на пол.

Я осталась обнаженной перед ним. На подоконнике. В его квартире.

Он посмотрел на меня снизу вверх — и наклонился.

Провел языком по внутренней стороне бедра — медленно, влажно, томно. Потом выше. Еще выше.

Коснулся.

Я выгнулась, застонала. Его язык касался меня мягко, но настойчиво. Он обводил клитор, втягивал его в рот, отпус-

кал, снова касался. Иногда останавливался и смотрел прямо мне в глаза — черными, расширенными, безумными. Губы блестели. Я хотела умереть.

— Смотри на меня, — сказал он.

Я смотрела.

Он продолжал. Его язык работал — то медленно, лениво, то быстрее, глубже, настойчивее. Он водил по складкам, проникал внутрь, возвращался к клитору. Я сжимала его голову ногами, вцепилась в его волосы, тянула.

Через мгновение меня накрыло.

Судорога пошла от пальцев ног — до макушки. Всё тело выгнулось, замерло, потом разжалось волной. Пульсация. Тепло. Я потеряла себя — слышала только его дыхание, свое всхлипывание, и музыку где-то далеко.

Я испытала такое первый раз в жизни. Я улетела туда, где никогда не была. Я не знала, что так бывает. Я не знала, что можно так... раствориться.

Я расслабилась. Моя голова откинулась на окно.

Холод стекла прижался к затылку. Я смотрела в потолок и не могла дышать. Только чувствовала его — между ног, его язык, в каждой клетке тела.

Он встал.

Вытер рот тыльной стороной ладони — медленно, сексуально, не отводя от меня глаз. Губы блестели. Он улыбнулся — своей улыбкой.

Поднял мои трусики, подал мне.

— И джинсы, — прошептала я задыхаясь.

— Они тебе не понадобятся. Хочу видеть тебя так.

Я ошарашенно на него посмотрела. Я не отошла от первого оргазма в своей жизни ещё, а он говорит мне это.

Я спрыгнула с подоконника. Нейт взял мои джинсы, сложил их и аккуратно положил к стопке своих вещей на полу.

— Пойдём.

— Куда?

— Покурим.

Мы вышли в подъезд, а затем на «террасу».

Вряд ли её можно было так назвать. Стены в граффити, грязно, два старых пыльных кресла.

Но вид отсюда был потрясающий.

Несмотря на то, что это был второй этаж, дом находился на холме, и отсюда открывался вид на всю Родовлицу. Всё горело огнями. Луна и звёзды светили так ярко, что небо казалось чёрным бархатом, усыпанным бриллиантами.

Нейт снял свою майку — и положил на кресло.

— Присядь.

— Я постою.

Не то чтобы я была брезгливой. Просто я была лишь в одних трусах.

Нейт сел на кресло и потянул меня. Я упала к нему на колени.

Он достал косяк и закурил. Протянул мне.

— Будешь?

— Нет.

— На Новый год ты была не против.

Я пихнула его локтем в бок. Он затянулся.

Он помнит. Он помнит тот вечер.

Он тоже думал обо мне всё это время?

Знал ли он, что я не спала ночами?

Знал ли он, что я мечтала об этом вечере?

Знал.

Иначе зачем бы он помнил?

Я потянулась к нему.

Его глаза следили за каждым моим движением. Я чувствовала его дыхание на своих губах — тёплое, с горьковатым привкусом дыма.

Я замерла на секунду. Посмотрела ему в глаза. Он не отводил взгляд.

Потом я поцеловала его.

Наши губы встретились — мягко, почти невесомо. Я чувствовала, как он напряжён, как его пальцы сжимают подлокотник кресла. Мой язык скользнул внутрь, и дым перешёл ко мне — горький, тяжёлый, терпкий.

Я вдохнула его. Выдохнула ему в лицо.

Отстранилась.

Нейт сидел, не двигаясь. Смотрел на меня. Глаза тёмные, расширенные. Губы приоткрыты.

— Ничего себе, красотка, — сказал он хрипло.

Я улыбнулась.

Провела пальцем по его губам. Чуть надавила. Он не дышал.

— Ты хотел меня чему-то научить? — прошептала я.
Он не ответил. Только сжал мою талию сильнее.

Мы просидели так, пока окончательно не замёрзли.
Зашли в квартиру. Упали на диван.

Я провалилась в сон моментально — даже не смотря на то, что музыка играла всё это время.

ГЛАВА 9

15 АПРЕЛЯ 2012

После уроков мы устроились на подоконнике в конце коридора. Место было наше — мы сидели здесь ещё с первого курса, когда никто не знал, кто с кем дружит, а кто с кем встречается. Сейчас это было убежище. Тихий угол, где можно было не притворяться.

Солнце светило в окна, пылинки танцевали в воздухе. За стеклом — апрель, слякоть, но уже тепло. Кристи жевала яблоко, громко хрустела, смотрела на прохожих. Майя листала учебник по биологии, но я видела — она не читает, просто водит пальцем по строчкам.

Я смотрела в пол и теребила лямку рюкзака. Нервно. Пальцы скользили по ткани, наматывали, разматывали.

В голове пронеслись выходные. С ним.

Утро. Он стоит на кухне босиком, в одних трусах, волосы

— мокрые после душа, тяжёлые. Варит кофе. Молчит. Потом оборачивается, видит, что я смотрю, и улыбается.

— Ты пялишься, — говорит.

— А ты хорош, — отвечаю я.

Мы завтракаем в постели. Крошки от тостов на простынях.

— Давай не вставать с дивана, — предлагает он. — Ни сегодня. Ни завтра.

Мы так и делаем. Смотрим чёрно-белые фильмы без звука. Придумываем реплики сами. Говорим их смешными голосами. Я хохотала так, что падала с дивана, он ловил меня, прижимал к себе, целовал в макушку.

Он встаёт только покурить. И забрать пиццу. Мы едим её прямо на диване, руками, не отрываясь от фильма. Потом он вытирает мне пальцы салфеткой — медленно, каждую по очереди. Смотрит в глаза.

Мы целуемся. Долго. Медленно. Я чувствую его язык, его дыхание, его пальцы на своей шее. Он пахнет дымом, мятой и чем-то ещё — тем, от чего у меня слабеют колени.

Мы лежим в обнимку. Он гладит мои волосы. Водит пальцами по затылку, по шее, по спине. Я таю.

Ночью я просыпаюсь от его шёпота. Он думает, что я сплю. А он говорит: «Ты самая красивая девушка, которую я встречал».

Его язык у меня там. Его руки. Его шёпот. Его свободная футболка на моём теле, пахнущая им. Его голова между мо-

их ног. Его слова: «Я готов проводить здесь все дни напролёт».

Его улыбка. Его запах.

Это были самые лучшие выходные в моей жизни.

Я закусил губу. Внутри всё горело. Щёки горели. Я сжимала лямку рюкзака и не могла выдавить ни слова.

— Ты сегодня какая-то не такая, — сказала Кристи, откусывая яблоко.

Майя подняла голову от учебника, посмотрела на меня, потом на Кристи. Улыбнулась — мягко, понимающе. Но промолчала.

— Нормальная, — ответила я слишком быстро и пожала плечами.

— Ага. — Она прищурилась, отложила яблоко. — Ты ходишь как в тумане. То улыбаешься в пустоту, то смотришь в одну точку.

— Просто выпалась плохо, — буркнула я.

— Ну-ну, — Кристи не поверила, но не стала лезть.

— Ладно, — Кристи отбросила яблочный огрызок в урну. Попала с третьего раза. — Это Грегор? У вас с ним что-то было?

Я замерла.

— Ты же ходила с ним на свидание, — продолжала Кристи. — Неудачное, да, но потом... вы же виделись ещё?

— Нет, — сказала я. — Всё не так.

— А как?

Я молчала. Смотрела в пол. Потом подняла глаза.

— Я встретила кое-кем. В четверг, у кафе.

— С кем? — Кристи подалась вперёд, локти на колени, глаза блестят.

— Помнишь того парня с новогодней вечеринки? Которого Эндрю тогда позвал?

Кристи вытаращила глаза. Даже Майя отложила учебник.

— Нейта? Серьёзно?

Я кивнула.

Повисла тишина. Кристи переглянулась с Майей. Та опустила глаза.

— Вот это поворот, — присвистнула Кристи. — И что? Вы встречаетесь?

— Не знаю, — ответила я честно. — Мы... виделись пару раз.

Кристи хотела спросить ещё, но я перебила. Пальцы дрожали. Я сжала их в кулаки.

— Слушай, Кристи... У меня тут такой вопрос. Можно тебя кое о чём спросить?

— Да, конечно, — ответила она, чуть настороженно. Голос стал тише.

— Расскажи, какой у вас был первый раз с Эндрю.

Майя поперхнулась воздухом. Закашлялась, прикрыла рот ладонью. Кристи замерла.

— Ты серьёзно?

— Да.

Кристи покосилась на Майю. Та пожала плечами — мол, не смотри на меня, она у тебя спросила.

— Ну... — Кристи замялась. — Страшно было. Очень. Мы оба тряслись, как будто на экзамен пришли.

— А больно? — спросила я тихо.

— Первый раз — да. Не смертельно, но неприятно. Кровь, конечно. Эндрю чуть в обморок не упал, когда увидел. — Она усмехнулась, но без злости. — Думал, что сильно сделал больно. Пришлось успокаивать его, а не себя.

— А потом?

— А потом нормально. Перестало болеть. И стало... приятно.

Она замолчала, посмотрела на свои ногти с идеальным маникюром. Я смотрела на неё. Ждала.

— И как подготовиться? — спросила я.

Кристи посмотрела на меня внимательно. Так, как смотрят на человека, который вот-вот прыгнет с тарзанки — и не знают, поймают его внизу или нет.

— Презервативы — обязательно. И противозачаточные, если хочешь спокойствия.

— А без них никак?

— Ну, можно и без, — Кристи хитро прищурилась. — Но тогда будь готова к сюрпризам.

Майя хихикнула, прикрыла рот ладошкой. Я тоже не удержалась от улыбки.

— И ещё, — добавила Кристи, посерьёзнев. — Если не

хочешь — не надо через силу. Если он давит — это плохой парень. Даже если тебе кажется, что ты его любишь. Поняла?

— Поняла.

— Ты спрашивай, если что, — Кристи положила руку мне на плечо. — Я всегда отвечу. И всегда буду рядом.

— И я, — сказала Майя тихо.

Мы замолчали.

Я смотрела в окно, на облака, и думала о нём. О том, что он сделал со мной. О том, что я хочу, чтобы он повторил. И боюсь этого. И жду.

Он был не таким, как все. Не таким, как парни в школе, которые обсуждали футбол и списывали домашку. Нейт был другим. В нём была какая-то тихая сила, опасность, которая притягивала. Его руки. Его глаза — черные, и когда он смотрел на меня, я забывала, как дышать.

Воспоминания снова ворвались с голову.

Как мы танцевали в его комнате, под светом гирлянд. Как он играл музыку, что-то тягучее, тяжёлое. Когда мы танцевали, я смеялась, наступала ему на ноги, путалась в движениях, но ему, кажется, это нравилось. Он усмехался, прижимал меня к себе, шептал: «Не торопись».

Как он стоял сзади меня. Обнимал. Его руки были под моей кофтой — не раздевая, просто касаясь. Пальцы скользили по животу, по рёбрам, останавливались там, где кожа становилась тоньше. Я замирала. Он целовал меня в шею — легко, почти невесомо, заставляя выгибаться.

И сегодня я была здесь. В школе. С учебниками, с подружками.

— Эй, — Кристи толкнула меня локтем. — Ты где витаешь?

— Нигде, — соврала я и расплылась в улыбке.

Кристи не поверила. Я видела по её глазам.

— Только будь осторожна, — сказала она уже серьёзно.

— Про него ходят слухи. Он не простой парень.

— Знаю, — ответила я.

Кристи вздохнула, покачала головой.

— Ты влюбилась, — сказала она. И это было утверждение, а не вопрос.

ГЛАВА 10

25 АПРЕЛЯ 2012

Прошло двенадцать дней с последней нашей встречи.

А потом он просто исчез.

Не написал. Не позвонил. Просто — пропал. Как будто его и не было. Как будто не было тех выходных. Той ночи на подоконнике — ничего этого не случилось.

Я уже прошла стадию отрицания. «Может, телефон сломал». «Может у него нет моего номера». «Может, он просто занят». Потом был гнев. Я злилась на него, на себя, на Кристи, которая предупреждала, на Эндрю, который привёл его на ту вечеринку.

Потом — пустота.

Теперь я застряла где-то между депрессией и апатией и не могла понять, есть ли смысл вообще из неё выходить.

Я лежала на кровати, смотрела в потолок. Трещина на белой поверхности напоминала карту неизведанной страны — я мысленно бродила по ней, чтобы не думать о нём.

Но думала. Всё равно.

«Зачем он так? Почему? Он что, воспользовался мной?»

Я зажмурилась. Перед глазами встало его лицо — серьёзное, тёмное. Его глаза, которые смотрели и как будто видели насквозь. Его сильные руки. Его улыбка. Его губы и язык, которые свели меня с ума и сделали со мной такое, о чём я даже не могла представить.

По телу пробежала мелкая дрожь. Я натянула одеяло до подбородка.

Это даже не назовёшь «он воспользовался». Он не дал мне того, чего я хотела. Я хотела его. А он остановился.

— Может, я что-то сказала не так? — прошептала я в пустоту. — Может, сделала что-то не так? Или он просто... передумал?

Я перевернулась на бок, обняла подушку.

«Он закрытый. И ключ к нему не подобрать».

Я зарылась лицом в подушку и закричала — без звука, чтобы Лана не услышала.

«Почему я вообще о нём думаю? Почему мне не всё равно?»

Я не нашла ответа.

Дом погрузился в тишину. Мать, наверное, уже спала. Лана — тем более. Я слышала только тиканье часов в коридоре и своё дыхание.

Я смотрела в окно. Луна была почти полной — холодной, серебряной, далёкой.

И думала о нём.

Почему?

Почему он исчез?

Может, я слишком много хотела? Может, он испугался? Может, я не понравилась ему по-настоящему?

Я не знала.

— Молли... Молли!

Я вздрогнула.

Из темноты коридора вынырнула Лана — сонная, растрёпанная, в пижаме с единорогами. Волосы торчат во все стороны, один носок надет, второй потерялся.

— Господи, ты меня напугала. Что случилось?

— У меня выпал зуб, — прошепелявила она, показывая на нижнюю десну. Язык с трудом ворочался во рту, она пыталась говорить, но получалось смешно.

— Так, давай посмотрим, — я села, взяла её за подбородок, приподняла лицо к свету. Луна освещала комнату, и я разглядела тёмную дырочку на месте резца. — Точно, выпал. А где он?

— Я его выплюнула, — она показала на пол.

— Фу, Лана. Зубы не выплёвывают на пол.

— А куда?

— В стаканчик кладут. Или под подушку, чтобы зубная фея принесла монетку.

Лана округлила глаза. В темноте они казались огромными, как блюда.

— Правда?

— Правда.

Я сползла с кровати, на четвереньках обшарила пол возле двери. Нашла. Маленький, белый, молочный зуб. Вытерла его о край своей футболки.

— Держи, — протянула Лане. — Завтра кое-что найдёшь под подушкой.

— А ты мне положишь?

— Конечно, — я улыбнулась.

В первый раз за много дней.

Я поцеловала Лану в лоб. Она пахла детским шампунем, клубникой и чем-то родным, от чего щемило сердце.

— Беги в кровать, а то фея не прилетит, пока ты не заснёшь.

Лана убежала. Босиком, шлёпая по коридору.

Пол был холодным. Я поджала колени, обхватила их руками.

«Он исчез. Может, не вернётся. Может, это конец».

Я смотрела в окно. Луна висела низко, почти касаясь крыш домов. Где-то лаяла собака. Где-то хлопнула дверь.

«Но надежда... она не уходит. Она сидит где-то под рёбрами и ждёт. Ждёт, когда он напишет. Ждёт, когда он появится. Ждёт, когда я снова увижу его машину у дома».

Я закрыла глаза.

И представила, что он рядом. Что его рука лежит на моей спине, что он шепчет «всё хорошо».

— Всё хорошо, — сказала я себе в пустоту.

Поверила? Нет.

Но мне стало чуть легче.

ГЛАВА 11

26 АПРЕЛЯ 2012

Последний урок закончился, и мы вышли на школьное крыльцо.

Солнце уже клонилось к закату, воздух был тёплым, почти летним. Пахло весной — сырой землёй, первой зеленью, бензином от школьных автобусов. Где-то на парковке сигналлила машина, кто-то смеялся, кто-то кричал «пока, до завтра».

Я смотрела на всё это и не чувствовала ничего.

Мы шли к остановке. Кристи смотрела на дорогу, я — под ноги, не поднимая глаз.

— Ты как? — спросила Майя тихо.

— Пойдёт, — ответила я, пожав плечами.

— По твоему заплаканному лицу и видно, — бросила Кристи.

— Кристи! — одёрнула её Майя.

Кристи закатила глаза, но промолчала. Только сжала губы, будто сдерживала ещё сто фраз, которые вертелись на языке.

Майя взяла меня за руку. Её ладонь была тёплой, уютной. Пальцы тонкие, чуть влажные.

— Молли, он тебя не достоин, — сказала Кристи, не глядя на меня. — Забудь его.

Было бы так просто, — подумала я. Забыть. Вычеркнуть. Не думать.

Но после того дня я вообще не могла ни о чём другом.

Мысли снова пошли по кругу. Я сжала пальцы, вцепилась в ляпку рюкзака. Кожаные лямки были стёртыми, мягкими. Я тянула их вниз, натягивала, чтобы боль в плечах перекрыла боль внутри.

— Всё наладится, — прошептала Майя и обняла меня.

Я прижалась к ней на секунду. Хрупкая, маленькая, — она была такой тёплой, такой настоящей. Я почувствовала, как внутри что-то оттаивает. Совсем чуть-чуть. Как будто лёд тронулся, но ещё не растаял.

Потом она отстранилась. Помахала нам и побежала к парковке, где её уже ждала мама в машине. Белая «Шкода» стояла у самого выхода, фары мигнули два раза. Майя открыла дверь, скрылась внутри.

Машина уехала. Кристи повернулась ко мне.

— Если хочешь, я могу что-нибудь узнать у Эндрю про

него? — сказала она.

Я покачала головой.

— Нет, не нужно. Мне нужно... — я запнулась, подбирая слова. Горло сжалось. — Мне нужно забыть его.

Кристи пожала плечами и ничего не сказала. Но я видела, как она кусает губу. Ей хотелось вставить какую-нибудь колкую фразу — про «я же говорила», про «такие парни не меняются», про «ты найдёшь ещё лучше него».

Но она сдержалась. Просто стояла рядом и молчала.

— Ну, мне пора, — сказала я.

Кристи подошла, обняла. Крепко, почти больно. Я чувствовала её ключицы, её дыхание у своего уха.

— Я с тобой всегда, — сказала она. — И я люблю тебя.

— Я знаю, — голос дрогнул. — Я тоже.

В глазах защипало. Я отвернулась, чтобы она не увидела. Сделала вид, что поправляю волосы.

Я зашла в автобус.

Достала наушники. Старые, белые, проводные — когда я дёргала их, звук пропадал в левом ухе. Я плюнула на это, включила свой плейлист.

Села у окна.

Автобус тронулся. Мимо проплывали дома, деревья, редкие прохожие. Кто-то спешил с работы, кто-то вёл ребёнка за руку, кто-то курил на скамейке, глядя в одну точку.

Солнце уже село. Небо наливалось густой синевой. Где-то за горизонтом ещё теплилась оранжевая полоса, но город

уже погружался в сумерки.

Фонари зажигались один за другим. В их свете капли на стекле блестели как слёзы.

Он мне не нужен. Он меня не достоин.

Я прошептала себе под нос, глядя на мелькающие огни.

Но внутри, где-то глубоко, я знала — это не так.

Я зашла домой. Дома было тихо.

Мама, наверное, ещё на работе. Лана у подруги. Я зашла в свою комнату, бросила рюкзак на пол.

Я встала. Подошла к окну.

Как в тот самый вечер. Когда он стоял сзади, обнимал меня за талию, уткнулся носом в мои волосы. Я зажмурилась.

Выдохнула.

Я забуду его.

Не вычеркну. Не вырву с корнем. Просто — забуду. Перестану ждать. Перестану смотреть на каждую чёрную машину. Перестану просыпаться и первым делом тянуться к телефону.

— Прощай, Нейт, — прошептала я.

И поверила, что это в последний раз.

ГЛАВА 12

1 МАЯ 2012

— Точно не хочешь с нами? — Кристи натягивала джинсы поверх купальника, покачиваясь на одной ноге. — Там, говорят, новая коллекция в ТЦ завезли. Скидки, между про-

чим.

— У меня денег нет, — соврала я. — И голова болит.

Эндрю хмыкнул, обнимая Кристи за плечи. Он был без футболки, с мокрыми волосами после реки.

— У неё голова болит от любви. Или от отсутствия её.

— Отвянь, — буркнула я без злости.

Майя и Макс уже пошли к дороге, держась за руки. Майя оглянулась, помахала мне — светло, по-детски. Я помахала в ответ.

— Может, передумаешь? — Кристи прищурилась. — Мы не долго.

— Идите уже, — я отмахнулась. — А то всю коллекцию по скидке разберут.

— Ладно, — Кристи чмокнула меня в щёку. — Не скучай.

Они ушли. Эндрю что-то крикнул на прощание, я не разобрала.

Я осталась одна.

Солнце висело низко. Воздух стал густым, тягучим, как мёд. Я скинула конверсы — поставила их рядом. Подвернула джинсы до колен, села на край пирса, опустила ноги в реку.

Вода была прохладной, ласкала ступни, обтекала пальцы. Пахло тиной, нагретой травой, свободой. Где-то за рекой кричали чайки. Где-то уехал поезд.

Я закрыла глаза.

Ни о чём не думала.

Просто сидела и дышала.

Воздух — тёплый, почти липкий — заходил в лёгкие, выходил обратно. Плечи расслабились.

В наушниках играла Mazzy Star — «Fade Into You».

Песня плыла медленно, обволакивала, заполняла пустоту. Я смотрела на воду. На отражение облаков. На лодку, которая качалась у берега, привязанная к ржавому кольцу.

Песня кончилась.

Я сняла наушники, отложила телефон рядом. Доски пирса были тёплыми — за день прогрелись на солнце. Я провела по ним ладонью, почувствовала шершавость, занозы.

— Можно?

Я вздрогнула.

Подняла голову. Солнце ударило в глаза — я зажмурилась, прищурилась, разглядывая силуэт.

Он стоял на фоне воды.

Руки в карманах джинсов — потёртых, выцветших на коленях. Простая чёрная футболка сидела на нём свободно, но я видела, какая под ней широкая спина, сильные плечи. Татуировка — та самая, дракон и череп — опоясывала правую руку от запястья до локтя. При дневном свете она выглядела иначе — чётче, ярче, чернее.

Я не сразу смогла рассмотреть его лицо. Только тёмные, растрёпанные волосы, падающие на лоб. И подбородок — волевой, жёсткий, как будто он привык сжимать зубы, а не улыбаться.

И мне показалось, что я вижу его в первый раз. Не в полу-

мраке квартиры, не при свете гирлянд — а здесь, на солнце, у реки, живого и настоящего.

Не прячущегося. Не сбежавшего.

Просто — стоящего и ждущего.

— Садись, — сказала я.

Он сел рядом.

На расстоянии. Не прижимался. Просто смотрел на воду.

Мы молчали. Солнце садилось за холмы, и река становилась тёмно-золотой. Вода холодила ступни, но меня бросало в жар — от солнца, от его молчания, от того, что он здесь.

— Что слушаешь? — спросил он.

Я протянула ему спутанные наушники. Провода переплелись, как мои мысли, — я даже не стала их распутывать. Он взял один, не торопясь, и вставил в ухо.

В наушниках снова заиграла Mazzy Star.

Мы сидели тихо. Смотрели на отблески воды. Музыка плыла медленно, обволакивала, заполняла паузы, где мы оба боялись говорить правду.

Я чувствовала его плечо рядом. Его дыхание — ровное, спокойное.

И внутри разливалось тепло, почти забытое.

Песня закончилась. Он отдал мне наушник. Я отложила телефон в карман джинсов.

Повисло молчание. Река дышала, ветер шевелил траву.

— Значит, ты по мне скучала? — спросил он тихо.

— Я? — я не повернулась. Сдвинула брови, удивилась. —

Нет. С чего ты взял?

— Я вижу по твоему плейлисту, — сказал он и усмехнулся той самой улыбкой. — Тоска, слёзы, Mazzy Star. Классика.

— Я не скучала по тебе, Нейт.

— Врёшь.

— Не вру.

— Ты слишком самоуверенный. Думаешь, что все девчонки должны сидеть и тосковать по тебе? Что ты — центр вселенной?

— Я так не думаю, — сказал он тихо.

— Думаешь. Иначе не спрашивал бы.

— Молли, — сказал он.

Его чёрные глаза смотрели на меня в упор.

— Ты не все, — сказал он тихо.

— Что?

— Посмотри на меня.

— Не могу.

— Почему?

Я повернулась. Посмотрела на него. Сердце колотилось где-то в горле.

— Потому что так нельзя, Нейт. Нельзя приходить и уходить, когда тебе хочется. Нельзя давать какую-то надежду, а потом просто исчезать. Нельзя делать мне больно, а потом возвращаться и делать вид, что ничего не случилось. Нельзя выбирать меня только тогда, когда тебе удобно. Нельзя ломать меня, а потом смотреть такими глазами, будто это я ви-

новата. Уходи. Пока я окончательно не...

— Не что? — спросил он, и голос дрогнул.

Я замолчала. Сжала губы, чтобы не разреветься.

— Неважно.

— Молли.

— Неважно, — повторила я.

Он ждал. Не отводил взгляд.

— Почему ты так поступил? — спросила я, выдавливая слова. Горло сжалось, слёзы подступили к глазам, но я не дала им упасть.

Он помолчал. Потом сказал:

— Честно?

— Да, — ответила я еле слышно.

— Я испугался.

— Чего?

— Своих чувств к тебе.

Я усмехнулась. Горько.

— Ты врешь.

— Нет.

— Ты врешь! — голос сорвался.

Он не отшатнулся. Наоборот — подался ближе. Взял моё лицо в свои руки. Обхватил ладонями, заставил смотреть в глаза.

Я чувствовала его пальцы — горячие на щеках, на висках.

Он не говорил. Смотрел. Дышал. Тяжело, глубоко. Его глаза — чёрные бегали по моему лицу, как будто искали что-

то. Или боялись потерять.

Потом он закрыл их на секунду. Выдохнул. Шумно, с надрывом.

Открыл снова.

— Мол-Мол, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Мне без тебя не прожить и дня.

Я замерла.

По телу пробежала дрожь — от затылка до пяток. Сначала мурашки, потом холод, потом жар. Пальцы онемели. Сердце пропустило удар, потом забилось чаще, тяжелее. Я не могла понять — это от его признания? Или от того, как он назвал меня? «Мол-Мол».

— Откуда ты... — голос сорвался. — Откуда ты знаешь?

Он нахмурился.

— Знаю, что?

— Так меня называла только бабушка.

Он смотрел на меня, не понимая. Потом усмехнулся — криво, растерянно.

— Не знаю. Просто так. С языка сорвалось.

— С языка не срывается такое, — сказала я.

— А у меня сорвалось.

Он притянул меня к себе. Обнял. Я уткнулась носом в его плечо.

— Мол-Мол, — шептал он в мои волосы. — Мне без тебя не прожить и дня. Не прожить, слышишь?

Я кивнула, не поднимая головы. Слезы текли по щекам,

я не вытирала.

— Тогда не уходи, — проговорила я сквозь них. — Больше никогда.

Он молчал. Я чувствовала, как он дышит — неровно, глубоко.

— Обещаю, — сказал он наконец.

И я поверила.

Спустя время мы сидели молча, прижавшись друг к другу. Солнце почти село, и воздух стал прохладнее. Вода холодила ноги уже не приятно, а настойчиво.

У меня начали мёрзнуть ступни. Я вытащила их из воды, поджала под себя, обхватив колени руками.

— Замёрзла? — спросил он.

— Немного.

— Пойдём уже, — сказал он, мягко, без напора. — Здесь холодно.

Я покачала головой.

— Подожди.

Он посмотрел на меня. В его глазах — тишина, ожидание, что-то ещё, чему я не находила названия.

— Поцелуй меня, — выпалила я.

Я хотела этого больше всего на свете. Мне этого не хватало, как воздуха в лёгких. За все эти дни, когда его не было, я задыхалась. А сейчас — сейчас я боялась, что он снова пропадёт. Хотя и верила его словам.

Он нерешительно замер. Не улыбнулся, не усмехнулся, не

сделал вид, что не расслышал. Просто смотрел.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да.

Он пододвинулся ближе. Теперь его колено касалось моего бедра, его дыхание — моего лица.

— Мол-Мол, — шепнул он.

И наклонился.

Его губы коснулись моих — мягко, почти невесомо.

Этот поцелуй был другим.

Не жадным. Не голодным, как в прошлый раз, когда он поцеловал меня впервые. Тогда было больно, дико, он кусал меня. Я помнила вкус крови, его пальцы на своей шее, своё сердце, которое колотилось где-то в горле.

Сейчас — нежно.

Так, будто он боялся меня сломать. Будто я была из стекла, а он учился быть осторожным.

Я замерла. Чувствовала, как всё внутри переворачивается. Как его нижняя губа скользит по моей, как он втягивает её, отпускает, касается языком уголка рта.

Я потянула его за майку. Ближе. Ещё ближе.

Мои пальцы вцепились в ткань, я прижалась всем телом, углубила поцелуй. Я хотела большего. Чувствовала, как кровь приливает к губам, как пульсирует в висках, как низ живота наполняется тягучим жаром.

Я хотела, чтобы он меня поцеловал так, чтобы я забыла, как дышать.

Он отстранился первым.

— Мол-Мол, — выдохнул. — Не торопись.

— Почему? — прошептала я, не отпуская его майку.

— Потому что...

Он не договорил. Просто посмотрел на меня, на мои губы, на глаза. Положил ладонь на мою руку, сжал.

— Потому.

Я надула губы.

Он усмехнулся.

Тогда я наклонилась, зачерпнула ладонью воды и брызнула ему в лицо.

— Ах ты!

Он отряхнулся, но я уже бежала. Босиком по траве, вверх по склону, хохоча, не оглядываясь.

Трава была высокой, влажной, холодила ступни. Я бежала, пока не почувствовала, что он рядом.

Он догнал меня легко. Обхватил за талию, и мы рухнули в траву вместе. Мягко, не больно. Трава приняла нас, спуталась в волосах, зашелестела.

Я лежала на спине, он нависал надо мной, опираясь на локти. Луна светила прямо в лицо, делала его тени глубже, глаза темнее.

— Нейт, — сказала я, тяжело дыша.

— Что?

— Поцелуешь меня ещё раз?

Он наклонился. Нежно. Медленно.

Я обвила руками его шею, запустила пальцы в его волосы. Его губы скользили по моим, спускались к подбородку, к шее. Я выдохнула, выгнулась навстречу.

— Ещё, — прошептала я. — Не останавливайся.

Он замер.

— Мол-Мол, — сказал он, уткнувшись лбом в моё плечо. — Ты меня с ума сводишь.

Он поднял голову, посмотрел на меня. В его глазах — что-то новое. Не страх, не злость. Что-то, чему я не находила названия.

— Нейт, — сказала я. — Ты серьёзно испугался своих чувств ко мне?

— Ага, — ответил он.

— А про какие чувства ты вообще говоришь?

Он усмехнулся, провёл пальцем по моей щеке.

— Те самые, Мол-Мол.

Я не стала спрашивать, что значит «те самые». Я просто взяла его за руку, переплела пальцы.

Он лёг рядом. Посмотрел на меня сверху вниз, будто проверял — не исчезну ли я. Потом откинулся на спину, вытянулся во весь рост. Его плечо коснулось моего.

Мы лежали в высокой траве. Смотрели на звёзды.

Я чувствовала, как его дыхание смешивается с моим. Как его грудь поднимается и опускается в том же ритме, что и моя.

— Нейт, — сказала я тихо.

— Мм?

— Не исчезай больше.

Он повернул голову, посмотрел на меня.

— Не исчезну.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я закрыла глаза. Улыбнулась.

Ветер шевелил траву, нес запах реки и свободы. Я знала

— это только начало. И я была готова лежать в этой траве вечно, если он будет рядом.

ГЛАВА 13

10 МАЯ 2012

Сегодня в спортзале гремел баскетбольный матч — соревнования среди гимназий. Наши играли против соседней школы, и с первой минуты было ясно, что просто так мяч они никому не отдадут.

Перед началом матча директор взял микрофон. Он был в тренировочном костюме — нелепом, синем, с лампасами, — явно старался выглядеть молодцом.

— Уважаемые ученики, желаю вам честной игры и красивых побед, — сказал он. — И помните: главное — не победа, а участие.

— Ага, — крикнул кто-то с заднего ряда. — Скажите это Эндрю!

Все заржали. Я даже обернулась, чтобы понять, кто крик-

нул — не разглядела. Но голос был знакомый, вроде кто-то из параллельного класса.

Эндрю, стоявший на площадке, приподнял майку, начал показывать пресс, поворачиваясь из стороны в сторону, и чуть ли не танцевать стриптиз. Девчонки завизжали, парни засвистели. Кристи закатила глаза.

— Невыносим, — сказала она, но без злости.

Тренер, здоровый мужик с бритой головой, покачал головой и пригрозил Эндрю пальцем. Тот усмехнулся, но майку опустил.

Макс и Эндрю вышли на площадку. Макс был высоким — почти под два метра, как Нейт, но ещё массивнее. Широкие плечи, длинные руки, мощные ноги. Эндрю был поменьше — но тоже крепкий, сбитый, с широкими плечами и вечно взлохмаченными волосами.

Макс занимался баскетболом с детства — ходил в секцию, мечтал о спортивной карьере, и на площадке это было видно. Каждое его движение было уверенным. Эндрю взяли просто так — потому что нужно было набрать команду, а он согласился. Успеваемость у него хромала, и классный руководитель сказала: «Участие в соревнованиях хоть как-то вытянет твой средний балл». Эндрю тогда отшутился, но на площадку вышел.

Мы сидели на скамейке у края площадки. Кристи поправила вырез футболки, обнажив кружево лифчика. Ткань была чёрной, кружево тонким — она явно готовилась к матчу

тщательнее, чем игроки.

— Эндрю! — крикнула она, помахав рукой.

Эндрю обернулся. Кристи провела пальцами по декольте, трогая грудь.

— Посмотри сюда!

Он засмотрелся, споткнулся, чуть не упал, но удержался.

— Ты издеваешься? — спросила я.

— А что? — Кристи пожала плечами, улыбаясь. — Пусть знает, кто за него болеет.

Майя сидела тихо, сложив руки на коленях, но глаза её горели. Она не кричала, не махала, только следила за Максом — на площадке, у кольца, в защите. Когда он забивал, она улыбалась. Всё шире, всё свободнее. Макс заметил это. Один раз поймал её взгляд и задержал на секунду дольше, чем нужно. Я заметила.

Матч был напряжённым.

Счёт менялся каждые две минуты. Наши вели, потом соперник отыгрывался, снова вели, снова отыгрывались. Макс вёл игру: отдавал пасы, выходил в быстрые отрывы, ставил блоки. Эндрю пытался не отставать — бегал, махал руками, иногда даже отбирал мяч.

За минуту до конца счёт сравнялся.

Макс перехватил мяч на своей половине. Я видела, как он рванул к кольцу — мощно, быстро, не оглядываясь. Два защитника пытались его остановить — он обвёл одного, второго, выпрыгнул. Мяч ударил в щит, покатился по обручу...

и провалился.

— ДА!

Кристи вскочила, заорала так, что я оглохла на одно ухо.

Майя вцепилась в мою руку, не отрывая глаз от площадки.

Осталось тридцать секунд. Противник атаковал, но промахнулся. Макс взял подбор, отдал пас Эндрю, тот побежал вперёд, но его накрыли. Судья свистнул — наши потери. Двадцать секунд. Мяч у соперника.

— Не отдавай! — заорал кто-то из наших.

Макс перехватил пас.

Выпрыгнул. Бросил с центра площадки.

Мяч летел, казалось, целую вечность. Я смотрела на него, затаив дыхание. В ушах стучала кровь.

И он влетел в корзину ровно за секунду до финального свистка.

Победа!

Кристи бросилась к Эндрю, прыгнула на него, обхватив ногами. Он закружил её, оба смеялись.

— Я победил! Я победил! — заорал Эндрю, размахивая руками. — Видели? Я победил!

Кристи чмокнула его в губы.

— Ты гений, — сказала она. — Мой маленький гений.

— Маленький? — он приподнял бровь. — Это мы ещё проверим.

Майя подбежала к Максy. Не так броско, как Кристи — тихо, почти робко. Остановилась в шаге, посмотрела на него.

Макс протянул руки, и она прыгнула к нему — обвила ногами, уткнулась лицом в шею. Он обнял её, прижал к себе, гладил по спине. Она что-то шепнула ему на ухо — он кивнул.

Я смотрела на них и думала: они счастливы. Они счастливы по-настоящему.

Мы вышли на крыльцо.

Солнце уже клонилось к закату, воздух был тёплым, почти душным. Я посмотрела на парковку. У ворот стояла чёрная BMW.

Нейт ждал меня, прислонившись к капоту своей машины. Он был таким высоким — даже несмотря на мой рост метр семьдесят, он всё равно казался могущественным. На нём была чёрная майка, серые спортивные штаны. Его чёрные растрёпанные волосы обдувал лёгкий ветер. Увидев меня, он затушил сигарету о край урны и выбросил.

Я смотрела на его плечи, на руки, на этот спокойный уверенный взгляд — и не могла надышаться. Мне хотелось быстрее к нему прижаться, быстрее оказаться в его объятиях, почувствовать его запах, его тепло, его дыхание. Чтобы он сказал что-то — не важно что, просто чтобы голос звучал. Чтобы он взял меня за руку, и я знала — я в безопасности.

Я помахала Кристи и пошла вниз по ступенькам.

Все, кто был в школьном дворе, оборачивались и пялились. Я чувствовала их взгляды — любопытные, осуждающие, завистливые. Кто-то что-то шепнул соседке, та хихик-

нула. Мне было всё равно.

— Давай, давай, моя девочка! — закричала Кристи. — Иди к своему принцу!

— Скажешь тоже, — крикнула я в ответ.

— А что? — она развела руками.

Эндрю присвистнул.

Я подошла к Нейту, обвила руками его шею, прижалась. Он приобнял меня за талию, поцеловал в макушку. Вдохнул — я слышала, как он дышит.

— Садись, — сказал он, открывая дверцу.

Я села. Он обошёл машину, завёл мотор.

Мы ехали молча. За окном тянулись поля, дома, деревья. Солнце ещё не село, но свет стал мягче, золотистее. Нейт держал руль одной рукой, второй — гладил меня по колену.

Он остановился у моего дома.

Тишина. Мотор заглушён. Слышно только, как ветер гуляет за окном. Я сжала ручку двери, но не открыла. Посмотрела на него. Он смотрел на дорогу.

— Ну что... — я выдохнула. Неловко. Медленно. — Я пойду.

Но не вышла.

Он повернулся ко мне. Взял за подбородок, притянул к себе и поцеловал. Сначала — нежно, одними губами, будто пробовал на вкус. Я замерла, чувствуя, как внутри всё обрывается. Потом он углубил поцелуй, его язык скользнул в мой рот — медленно, властно, без спешки.

Я ответила. Мои пальцы вцепились в его плечо. Он целовал мою шею — влажно, горячо, покусывал кожу, втягивал её губами, оставляя лёгкую боль, которая тут же превращалась в жар. По телу побежали мурашки, от шеи к груди, ниже.

— Нейт, — выдохнула я.

Он отстранился первым, тяжело дыша.

— Иди, — сказал тихо. — А то я не отпущу.

Я не хотела, чтобы он меня отпускал. Хотела остаться в его руках, в его запахе, в его дыхании. Хотела, чтобы эта минута не кончалась. Но я кивнула, взялась за ручку двери.

— До завтра, — прошептала я.

Он ничего не ответил, но его глаза сказали всё.

Я вышла из машины.

Обернулась. Он смотрел мне вслед. Силуэт в сумерках, руки на руле, он не заводил мотор, пока я не скроюсь за дверью.

Когда я забежала в подъезд, я взлетела на второй этаж, едва не споткнулась на лестнице. Забежала в свою комнату, захлопнула дверь, прислонилась спиной к холодному дереву. Сердце колотилось где-то в горле.

Боже, что это было?

Внизу живота всё ещё пульсировало, тянуло горячим, влажным. Юбка была короткой. Я опустила взгляд на свои ноги, потом провела рукой по бедру, поднимая край юбки выше. Пальцы скользнули по внутренней стороне бедра, за-

мерли у резинки трусиков.

Я закрыла глаза, представив его руки вместо своих.

Медленно, почти невесомо, провела по тому месту, где ткань уже намокла. Вдохнула — резко, жадно.

Что я делаю?

Но я не могла остановиться. Пальцы надавили сильнее, через кружево, и я почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Ещё немного — и я бы...

Меня остановил стук в окно.

Я отдернула руку, одёрнула юбку. Щёки горели.

За окном был Нейт.

— Нейт? — выдохнула я, открывая окно. — Ты что тут делаешь? Ты с ума сошёл?

— А ты что делала? — он шагнул в комнату, усмехнулся. — Моя маленькая извращенка.

Он подошёл ближе, и в следующую секунду его рука резко задрала мою юбку.

— Я подглядывал за тобой, — прошептал он, и улыбнулся той самой хищной улыбкой.

Я стала дышать ещё тяжелее. Казалось, воздух кончился. Не от стыда — от возбуждения. Он взял меня за шею, пальцы сжали кожу, приподнял моё лицо к своему.

— Смотри на меня, — сказал он тихо, и я подчинилась.

В его глазах горел огонь. Он прижал меня к стене, поставил колено прямо между моих ног — туда, где всё пульсировало. Я вцепилась в его плечи.

Его поцелуй был жадным, грязным — с языком, с прикусами, с тихим рычанием, которое рвалось из его груди. Его рот спустился на шею. Он кусал, облизывал. Мои соски напряглись, торчали под тонкой тканью футболки. Он опустил голову, коснулся их губами, укусил их через ткань — и я выгнулась, застонала.

— Ты хочешь меня чувствовать здесь? — прошептал он мне в ухо и сильнее надавил коленом. Я чувствовала его бедро там, где пульсировало, где ткань трусиков уже намокла насквозь. Мои пальцы вцепились в его плечи — до боли в костяшках.

— Да, — выдохнула едва слышно.

Его рука скользнула вниз. Ладонь легла на внутреннюю сторону моего бедра, горячая. Он провёл пальцами по коже — медленно, почти лениво, заставляя меня ждать. Я замерла, не дышала. Его пальцы добрались до резинки трусиков, задержались на секунду — как будто дразнили. Потом скользнули под кружево, коснулись влажной складки. Я вздрогнула, выгнулась навстречу, хотела большего, глубже, сильнее.

Он нашёл клитор. Нажал — и у меня закружилась голова. Пальцы двигались медленно, рисовали круги, то надавливали, то отпускали, дразнили. Я чувствовала, как он почти вошёл в меня — но нет, только касался, только дразнил, оставляя меня на грани. Он был так близко. Ещё миллиметр — и он внутри.

— Нейт, — прохрипела я, с трудом разжимая губы. — За стеной... моя младшая сестра. Она услышит.

Он замер. Пальцы застыли. Потом медленно убрал руку.

Я почувствовала пустоту — сразу, как только его тепло исчезло. Тоску, которая скрутила живот. Желание, которое некуда было деть.

— Значит, я пошёл? — спросил он, не отрывая от меня глаз.

— До завтра, — прошептала я.

— До завтра, Мол-Мол.

Он отстранился, шагнул к окну, распахнул створку — и в комнату ворвался ночной воздух, свежий, холодный, пахнущий дождём и свободой. Перекинул ноги через подоконник, на секунду замер, глядя на меня, и спрыгнул в темноту.

Я постояла ещё секунду, глядя ему вслед. Потом отвернулась.

Подошла к кровати. Села на край. Потом легла. Медленно, тяжело, как будто всё тело налилось свинцом.

Уставилась в потолок.

Тело всё ещё горело. Внизу живота ныло, пульсировало, просило ещё. Я сжала одеяло в кулаках. Выдохнула. Долго. Шумно.

Я хочу этого парня.

Безумно хочу.

Только его.

И никого другого.

Утром перед школой я как обычно собирала обед — себе и Лане.

Доставала контейнеры, нарезала бутерброды, кинула пару яблок в пакет. Напевала под нос песню — ту самую, что вчера слушала у Нейта в машине. Двигала в такт бёдрами, сама не замечая. Я была почти счастлива. Почти.

Солнце уже пробивалось в дом. Оно заглядывало в самые тёмные углы — под шкаф, за шторы, в щели между половицами — и делало их светлыми, почти уютными. Весна. Пятница. Хороший день.

Я уже собиралась идти будить Лану. Повернулась — и вздрогнула.

Мама сидела за столом.

В своих спортивных, домашних потёртых штанах — тех, что она носила уже лет пять. В старой футболке, вытянутой на вороте. Волосы спутанные, кое-как собраны заколкой на затылке, несколько прядей выбились и падали на лицо. Она выглядела так, будто не спала всю ночь. Или спала, но в одежде.

Она сидела и курила.

Дым тянулся к потолку — сизый, горький, медленный. Растворялся в утреннем свете, но запах уже въелся в кухню. Смешивался с ароматом кофе и хлеба — и портил всё.

Я не слышала, как она зашла. Не слышала шагов. Ничего. Просто повернулась — и она была здесь, как призрак.

— Я не услышала, как ты вошла, — прошептала я.

Голос получился тихим. Слишком тихим.

Мама стряхнула пепел в пепельницу. Аккуратно, как будто это был самый обычный день, самый обычный разговор. Пепел упал серым облачком, осел на стеклянное дно.

— Нужно поговорить, — сказала она.

Даже не посмотрела на меня.

У меня внутри всё сжалось. Я знала этот тон. Тихий, ровный, почти спокойный — перед бурей. Она всегда так начинала. Сначала тишина, потом вопрос, потом крик. Потом слёзы. Потом снова тишина.

— О чём? — спросила я, хотя уже знала. Чувствовала. Нутром.

— Как давно вы знакомы? — спросила она.

Стряхнула ещё пепла. Я смотрела на её пальцы — жёлтые от никотина, с обкусанными ногтями. На сигарету, которая дрожала. Она нервничала. Редко. Когда нервничала — всегда случалось что-то плохое.

— С кем? — спросила я.

Сделала вид, что не понимаю. Дурацкая игра. Мы обе знали.

— Ты знаешь, о ком я, — сказала она.

Я поняла сразу. Про Нейта.

Вчера я видела её в окне, когда поднималась домой. Я вы-

ходила из его машины. Мы поцеловались на прощание. Я засмеялась. Подняла голову — и увидела её силуэт в окне второго этажа. Она стояла, смотрела. Я сделала вид, что не заметила.

Вот оно.

— Мне не очень хочется с тобой это обсуждать, — отрезала я.

Голос жёстче, чем я хотела. Но я не могла иначе. Не сейчас. Не утром. Не перед школой.

— Молли, — она подняла глаза, и я увидела — они уже покраснели. Или с вечера. Или она плакала ночью. — Он тебе не пара.

Я усмехнулась. Фыркнула, как делала всегда, когда хотела спрятать боль за злостью.

— Не тебе решать, пара он мне или нет.

Мама стряхнула пепел. Сигарета догорала, огонёк подбирался к фильтру. Она не затягивалась больше. Просто держала. Как будто это было единственное, что её удерживало.

— Мне как раз, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я твоя мать.

— Ты давно ею не являешься, — отчеканила я.

Слова вылетели раньше, чем я успела их остановить. Горячие, жестокие. Я хотела их забрать обратно, но рот будто заклинило.

В сердце защемило. Заныло — как старая рана, которую я притворялась, что зажила. Но она не зажила. Она просто

притихла. А теперь снова болела.

Тишина повисла над кухней. Тяжёлая, липкая. Я слышала своё дыхание. Слышала, как в комнате возится Лана — ещё не проснулась, ворочается, сопит. Слышала, как тикают часы на стене. Громко. Слишком громко.

— Почему ты так? — спросила мама.

Голос дрогнул. Глаза намокли — она не отводила взгляд, и я видела, как слёзы собираются на нижних веках, как дрожат ресницы. Она пыталась не плакать. Но не получалось.

— Я желаю тебе только счастья, Молли.

— Тогда прекрати пить, — сказала я.

Слова резали. Я знала. Но не могла остановиться.

— Если бы ты желала мне счастья, ты бы так себя не вела. Ты бы не... — я замолчала. Сглотнула. Горло саднило. — Не делала бы вид, что тебя нет.

Она сжала губы. Положила сигарету в пепельницу — она догорала сама, скручиваясь в маленькую серую колонну пепла. Дымок поднимался вверх, таял.

— Я стараюсь, — сказала она тихо. — Я пытаюсь, Молли. Каждый день.

Я хотела сказать «недостаточно». Но не смогла. Горло сдавило. Слова застряли где-то между «прости» и «ненавижу».

— Я хочу тебя убереечь от неприятностей, — продолжала она. — Он слишком... он слишком взрослый для тебя.

— Он на два года всего меня старше, — усмехнулась я. — Два года, мама. Это не пять, не десять.

— Не в цифрах дело, — сказала она.

Я скрестила руки на груди. Отвернулась к окну. На улице сосед выгуливал собаку — маленького корги. Птицы щебетали на деревьях.

— Я не хочу, чтобы ты повторила нашу судьбу с отцом, — сказала она.

Я резко повернулась.

— Боже, такого никогда не будет, — вырвалось у меня. — Я не ты, мама. Нейт точно не отец. Он не такой. Он никогда не... — я запнулась. — Он не уйдёт.

— Он разобьёт тебе сердце, Молли, — она почти выкрикивала сейчас. Голос срывался, становился высоким, как у ребёнка. — Запомни мои слова. Я вижу таких. Я знаю.

— Ничего ты не знаешь! — крикнула я. — Нейт мне никогда не изменит!

Слёзы полились из глаз. Горячие, злые, беспомощные. Я не вытирала их — пусть текут. Пусть видит. Пусть знает.

Сердце было разбито уже сейчас. Не Нейтом. Её словами. Тем, что она вообще посмела прийти с этим утром, в пятницу, когда солнце светило так наивно и радостно, когда я была почти счастлива.

А потом она спросила:

— Ты его любишь?

Я не ответила.

Смотрела на неё — на её мокрое лицо, на её дрожащие губы, на тёмные круги под глазами. Она выглядела старой.

Такой я не видела её никогда. Сломленной. Пустой.

— Молли, — прошептала она. — Ответь.

— Не твоё дело, — сказала я.

На пороге появилась Лана.

— Молли, что случилось?

Она стояла растрёпанная, в пижаме с единорогами. Тёрла глаза кулачками — маленькими, пухлыми. Волосы торчали во все стороны. Сонная, испуганная, такая маленькая.

— Мамочка, почему ты плачешь? — спросила она. Переводила взгляд с меня на маму, с мамы на меня.

Я вытерла лицо руками. Вдохнула глубоко. Заставила себя улыбнуться.

— Всё хорошо, — сказала я как можно мягче. Подошла к ней, присела на корточки. — Иди почисти зубки, маленькая. Я приготовлю тебе одежду.

— А ты? — спросила она. — Почему ты плачешь?

— У меня просто глаза слезятся от солнца, — сказала я. — Весна.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Я сегодня хочу розовую футболку.

— Будет тебе розовая футболка.

Лана подбрела к ванной — шаркая тапочками, натягивая сползающие штаны. Обернулась в дверях:

— Молли?

— Да?

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже, малышка.

Она ушла.

Я выпрямилась. Вытерла лицо ещё раз.

Мама всё сидела за столом. Смотрела в стену. Я взяла пельницу — три окурка, все затушены неровно, с длинными концами — и выбросила в мусорное ведро. Вытерла крошки.

Потом я взглянула на неё.

Она медленно встала. Пошла к дивану. Села в угол, поджала ноги, обхватила колени руками. И зарыдала.

Тихо. Без звука. Только плечи ходили ходуном.

Я стояла на кухне. Смотрела на неё — скомканную, беззащитную, чужую.

И ничего не чувствовала.

Только пустоту.

Нет. Не пустоту. Злость. И боль. И ещё что-то, что я не могла назвать. Тоску по маме, которой у меня никогда не было. Или по той версии неё, которая ещё могла бы появиться — но уже не появится.

ГЛАВА 15

1 июня 2012

В честь первого летнего дня, окончания учебного года и перехода на четвёртый курс гимназии Эндрю закатил вечеринку у себя дома. Нам предстояли ещё зачёты, но мы уже были уверены — мы прошли.

Дом Эндрю стоял на холме, в окружении сосен. Двухэтажный, белый, с широкими окнами и деревянной террасой с бассейном, которая тянулась вдоль всего фасада. Внутри пахло деревом и дорогими духами. Бассейн сверкал на солнце. Вода переливалась голубым и зелёным, будто кто-то насыпал в неё блёсток. Шезлонги стояли рядами — полосатые, мягкие, с подголовниками.

Мы разулись у входа и вышли на террасу. Кристи скинула платье, с разбегу нырнула в воду.

— Вода класс! — крикнула она, брызгаясь.

Майя сидела на краю бассейна, опутив ноги в воду. Макс сидел рядом, приобнимал её за талию и что-то шептал на ухо. Майя хихикала, краснела, отворачивалась.

Эндрю суетился с колонкой, настраивал музыку.

— Молли, ты чего стоишь? — спросил он.

Я сняла футболку и шорты, осталась в плавках и лифчике. Села на шезлонг, закинула ноги на край. Солнце светило в глаза, щекотало кожу, обещало жаркий день. Я закрыла их, подставила лицо ветру. Хотелось загореть, расслабиться, забыть обо всём.

Позже Эндрю пришёл с бутылкой водки, разлил по пластиковым стаканчикам.

— Может, сыграем? — сказал он. — В игру «Я никогда не...» Правила простые. Каждый говорит, чего он никогда не делал. Если кто-то из вас такое делал — он пьёт. Врать нельзя.

Кристи вылезла из бассейна, отряхнулась, подошла к Эндрю и дала ему лёгкий подзатыльник.

— Серьёзно? Водку? Ты хочешь, чтобы мы тут опьянели за десять минут?

— Ладно, ладно, виноват, — Эндрю поднял руки. — Сейчас принесу что полегче.

Он ушёл в дом, вернулся через пару минут с бутылкой вина и соком. Разлил новую порцию.

— А теперь — играем.

Мы расселись на шезлонгах. Эндрю поднял стакан, ухмыльнулся.

— Ладно, я начну. — Он обвёл всех взглядом. — Мне никогда не делали куннилингус.

Макс засмеялся.

— Ты ничего не перепутал, дружище?

Кристи выпила, не стесняясь. Поставила стакан на столик, вытерла губы.

Я смотрела на воду в бассейне, на отражение огней, и воспоминание накрыло меня — тягучее, жаркое, почти осязаемое.

Тот вечер. Его квартира. Его пальцы, скользнувшие по моим бёдрам. Его язык. Он смотрел мне в глаза, пока делал это.

Я сделала глоток вина. Горького, тёплого.

Тишина. Эндрю присвистнул. Макс поднял бровь, но ничего не сказал. Кристи открыла рот от изумления.

— Молли, ты что творишь? — спросила она.

— Ничего, — ответила я тихо.

Она усмехнулась. Толкнула меня локтем.

— Пошлячка.

— Как и ты, — ответила я.

Все засмеялись. Кристи игриво подмигнула.

— Я буду ждать подробностей, — сказала она.

— И я, — добавил Эндрю, поднимая бокал.

— Обязательно, — ответила я и засмеялась.

— Ладно, — сказал Макс, откидываясь на шезлонге. —

Теперь моя очередь.

Он поднял стаканчик и провозгласил:

— Я никогда не учился целоваться на помидорах.

Эндрю вздохнул, выпил всё сразу, поставил стакан на стол шумно, с грохотом. Кристи смотрела на него с округлившимися глазами, уже замахивалась рукой.

— Ты что ему рассказал? — почти выкрикнула она.

— Но это же было, когда нам было по десять лет.

— И что?

Эндрю развёл руками.

— Ну, было. Я не виноват, что ты заставляла меня это делать.

Кристи закатила глаза.

— Кристи, давай пей, — начал кричать Макс. — Не отмазывайся!

Кристи фыркнула, но выпила.

— Я тебя прибую, — прошипела она Эндрю.

— Люблю тебя, — сказал он и послал ей воздушный поцелуй.

Все снова засмеялись.

Стаканчики опустели, вино кончилось. Эндрю принёс ещё. Смех стал громче, голоса — пьяными. Мы уже потеряли счёт.

— Ладно, — сказала Майя, откидываясь на шезлонге. — Моя очередь.

— Я никогда не... — начала Майя. Она была уже расслабленной, щёки розовые, глаза блестели. — Я никогда не видела Макса голым.

Она посмотрела на него невинными глазами, улыбнулась. Макс замер, потом усмехнулся, покачал головой.

— Вообще никогда? — спросил Эндрю.

— Никогда, — подтвердила Майя.

— Тогда тебе нужно срочно исправлять это, — сказал Эндрю. — На втором этаже есть гостевая спальня. Можете воспользоваться.

Макс посмотрел на него строгим угрожающим взглядом.

— Ладно, ладно, — Эндрю поднял руки. — Молчу.

Майя покраснела, прижалась к Максусу. Он обнял её, поцеловал в щёку.

Вечер опустился на террасу, вода в бассейне потемнела, зажглись огни.

Все уже были навеселе — голоса стали громче, движения свободнее. Кристи и Майя танцевали у края воды, обнявшись, кружились, что-то шептали друг другу на ухо.

Я сидела на краю бассейна, опустив ноги в воду. Макс лежал на шезлонге, потягивал пиво. Эндрю сидел на краю его шезлонга, смотрел на Кристи, которая танцевала с Майей.

— Вы осознаёте, что мы скоро разведемся? — сказал Эндрю. — И больше, возможно, не увидимся никогда.

— Ты преувеличиваешь, — сказала я.

— Давайте поклянёмся... — сказал Эндрю заплетающим голосом. — Давайте поклянёмся, что мы будем встречаться, даже если все поступим.

Макс усмехнулся.

— Мы уже давали клятву, когда нам было по семь, мы хоронили твоего хомяка. И поклялись, что раскапывать его не будем. А ты на следующий день пришёл и раскопал.

— Хомяк был особенный, — парировал Эндрю. — Он заслужил нормальные похороны.

— Ты его закопал в моём саду.

— Ну, у тебя сад большой.

Эндрю ухмыльнулся.

— А если серьёзно? — его голос сел, голова опустилась. — Я боюсь потерять это всё.

Он посмотрел в сторону Кристи.

— Особенно её. Если она поступит в университет — а она обязательно поступит, она молодец, — я останусь здесь,

продолжать бизнес отца. Как я буду без моей королевы?

— Ты её не потеряешь, — ответила я тихо.

— Чувак, ты реально её не потеряешь, — добавил Макс.

— Вы знакомы уже тысячу лет. Если это даже и случится..., но это не случится, я уверен. Есть куча девчонок, которые хотят быть с тобой.

— Эти девчонки со мной только из-за денег, — ответил Эндрю. — А Кристи — не такая. Она знает меня. Понимает.

— Я знаю о чём ты, — сказал Макс. — Но я не боюсь, что я потеряю Майю. Я боюсь, что Майя потеряется в этом жестоком мире. Ведь она такая уязвимая.

Я хотела спросить, почему она уязвима, но не осмелилась. Мне не хотелось портить этот момент.

Позже ребята смотрели друг на друга какой-то заговорческой улыбкой. Макс покачал головой. Эндрю начал вести обратный отсчёт:

— Три... два... один...

Эндрю подскочил, спихнул меня в воду, а сам схватил Кристи и прыгнул с ней следом. Макс подбежал к Майе, подхватил её на руки, и они тоже нырнули.

Вода обожгла нос, залилась в уши. Я вынырнула, откашливаясь, смеясь. Вылезла из бассейна — мокрая, с ног до головы, вода стекала по рукам, по ногам, капала с волос. Чуть не поскользнулась на мокрой плитке, удержалась, хихикнула себе под нос.

Был летний вечер, но уже чувствовалась прохлада. В мок-

ром бикини по телу побежали мурашки. Захотелось быстрее переодеться.

Я взяла сумочку, босиком пошлёпала к уборной. Капли оставались на тёплом камне. Я вошла в дом. Дверь хлопнула.

Всё здесь было из дорогого мрамора — полы, стены, даже раковина. Большое зеркало в золотой раме висело над умывальником.

Я достала из сумочки сухие вещи, развязала мокрый бикини. Ткань упала на пол. Я посмотрела на себя в зеркало — мокрые волосы, покрасневшие щеки, грудь, на которой ещё блестели капли воды.

В этот момент пришло сообщение от Нейта.

Нейт: *«Мол-Мол отрываешься с друзьями?»*

Я задумалась. Смотрела на своё отражение, на телефон. На обнажённую грудь, на экран, где мигало его имя.

В голову полезли воспоминания. Тот вечер. Как он опустился передо мной на колени. Его язык, его губы.

Я подняла телефон, сфотографировала свою грудь.

Молли: *[фото] «Хочу тебя. Забери меня».*

На секунду я подумала: «зачем я это сделала?»

Сердце ухнуло. Пальцы задрожали. Я попыталась нажать «удалить», но трясущиеся пальцы промахивались, экран не слушался. «Зачем? Зачем я это сделала? Что он подумает?»

Я почти нажала «отменить отправку», когда экран моргнул.

Пришло сообщение от Нейта.

Нейт: «*Боже, Мол-Мол. Ты что творишь со мной? Сбрось свой адрес. И никуда не уходи*».

Я выдохнула, заулыбалась. Набрала адрес, отправила.

Позже я не помнила, как оказалась в его постели. Но это случилось. Я была в одежде — меня это настораживало.

— Мол-Мол, ну ты и накидалась, — сказал Нейт, ухмыляясь. — Я сейчас принесу тазик, в случае если тебя будет рвать. А рвать тебя будет точно.

— Нейт, подожди...

Он уже вышел из комнаты.

Я мигом решила раздеться. На удивление, мне удалось стянуть узкие облегающие шорты и сбросить футболку.

Когда он вернулся с тазиком, я уже была раздета.

— Чёрт, — сказал он, замирая в дверях. Отвернулся. Прикрыл глаза. — Ты сегодня хочешь меня точно свести с ума.

— Нейт, возьми меня, пожалуйста.

— Молли, нет. Не сегодня. Не в таком состоянии.

— Пожалуйста, — умоляла я. — Нейт, я хочу тебя. Прямо сейчас.

— Молли...

— Я не пьяна. Я просто... я хочу чувствовать тебя. Пожалуйста.

Он молчал. Смотрел на меня. В его глазах — борьба. Желание и что-то ещё. Страх? Ответственность?

— Нет, — сказал он твёрже. — Не сейчас.

Я выдохнула. Откинулась на подушку.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Так ты просто лежишь со мной?

— Ладно, — ответил он.

Он лёг со мной. Но даже не касался меня.

Тогда я решила взять всё в свои руки. Перелезла, залезла на него. Его глаза округлились, он был ошарашен.

Он был в джинсах и без футболки. Я — полностью голая.

Он уставился на меня, изучал. Медленно, не отрываясь. Он лежал ровно, как будто прикованный к кровати.

— Ты можешь дотронуться до меня? — спросила я.

— Если я дотронусь, это добром не закончится, — ответил он.

— Пожалуйста, — прошептала я и поцеловала его.

Сначала нежно, одними губами. Потом глубже, с языком. Он не отвечал — я чувствовала, как напряжены его челюсти, как он сжимает край простыни.

— Прекрати, — выдохнул он.

Я не прекратила. Я целовала его шею, кусала, облизывала. Провела языком по ключице, спустилась к груди.

— Мол-Мол... — его голос сорвался.

Он схватил меня за бёдра. Сильно, почти до боли. Пальцы впились в кожу.

— Прекрати, пожалуйста, — простонал он. — Я сейчас взорвусь.

Я полезла расстёгивать его джинсы. Пальцы дрожали, но я

справилась. Он стянул их сам, нетерпеливо, вместе с боксерами. Я чувствовала его кожу, его жар, его дыхание — хриплое, прерывистое.

— Чёрт, — прошептал он.

Я снова поцеловала его.

Его руки скользнули по моей спине — сначала медленно, кончиками пальцев, будто он запоминал каждый позвонок. Потом он прижал меня крепче и жадно поцеловал. Я застыла ему в рот.

Я чувствовала, как мы соприкасаемся там, внизу. Мне хотелось, чтобы он вошёл в меня. Прямо сейчас. Без слов.

Я была мокрой. Возбуждённой до боли.

Он ласкал мою грудь — провёл большим пальцем вокруг соска, потом наклонился и взял его в рот. Облизывал, покусывал, покусывал. Сначала нежно, потом сильнее. Я выгнулась, вцепилась в его плечи.

— Нейт, — простонала я.

— Мол-Мол, — прошептал он в мою кожу.

Я тёрлась об его член. Твёрдый, большой, горячий. Каждое движение отдавалось во мне пульсацией.

— Войди в меня, — выдохнула я.

— Молли...

— Пожалуйста, — умоляла я, глядя ему в глаза. — Сделай это.

Он остановился. Посмотрел на меня — пьяную, голодную, дрожащую.

— Нельзя, — сказал он. — Ты пьяна.

— Можно, — я водила бёдрами, имитировала движения, тёрлась клитором о его член. — Я прошу, сделай это.

Он зажмурился. Я видела, как тяжело он дышит, как вздымается его грудь, как напряжены мышцы.

Я взяла его член в руку — твёрдый, пульсирующий. Сжала, провела пальцем по головке. Он запрокинул голову, закрыл глаза, застонал — низко, сдавленно.

— Тебе нравится? — прошептала я.

— Да, — прорычал он.

— Он такой у тебя большой... красивый. Я люблю твой член.

Я разглядывала его. Проводила пальцами от основания до головки, гладила, надавливала. Мне захотелось поцеловать его. Я спустилась ниже, и он оказался у моих губ.

— Молли... — Нейт не договорил.

Я почувствовала его вкус — солоноватый, горячий. Но в тот же миг меня закрутило. Голова пошла кругом, в животе поднялся ком, всё поплыло.

— Нейт, меня сейчас вырвет, — сказала я.

Он отстранился, усадил меня у тазика. Меня вырвало. Сильно. Потом ещё и ещё. Если бы я была трезвой, мне стало бы стыдно. Но сейчас я почувствовала слабость. Такую, что всё тело обмякло, как тряпка. Меня мало волновало что-то — ни его взгляд, ни то, что я голая, ни то, что я только что пыталась сделать. Я просто хотела спать. Провалиться в

темноту и не просыпаться до утра.

Я легла на кровать. Нейт убрал тазик, вернулся ко мне.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Угу, — просопела я.

— Ты не обижаешься на меня? — прошептала я, когда он пристроился рядом и обнял сзади.

— Нет, — усмехнулся он.

Он гладил мою спину — медленно, широкими движениями. Его дыхание было ровным, тёплым, оно касалось моего затылка, смешивалось с моим, замедлялось, успокаивало.

Я закрыла глаза. Чувствовала каждое прикосновение, каждый выдох. Внутри, там, где ещё минуту назад всё горело, наступала тишина. Тягучая, мягкая, как этот вечер.

Пальцы Нейта замерли у меня на пояснице. Он поцеловал меня в плечо.

— Спи, Мол-Мол, — прошептал он.

Я провалилась в темноту. Без снов, без страхов. Только его рука, только его дыхание и это странное, почти забытое чувство — что я в безопасности.

ГЛАВА 16

10 июня 2012

Стоял знойный июньский день. Было уже жарко — полетному, с дымкой над асфальтом и тяжёлым, сладким воздухом.

Весь месяц всё было иначе. Мы не говорили о том, что

случилось в апреле. Не вспоминали его исчезновение. Просто жили. Встречались. Дышали друг другом.

— Привет, — сказал он.

— Ну что, куда едем? — спросила я.

Он усмехнулся своей той самой улыбкой — ленивой, опасной, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Увидишь, — сказал он и нажал на газ.

Я смотрела в окно. Мелькали дома, потом деревья — зелёные, сочные, уже по-настоящему летние. Солнце золотило кроны, листья блестели. Внутри разливалось тепло — не только от погоды.

— Хорошо, — сказала я.

— Что?

— Ехать с тобой. Смотреть на всё это.

Он промолчал, только сжал мою руку на подлокотнике.

Мы свернули с главной дороги, потом ещё раз. Асфальт кончился, началась грунтовка. Вскоре мы остановились на берегу реки — недалеко от нашего пирса, но в более уединённом месте. Ивы склонялись к воде, трава была мягкой и ещё не примятой.

Никого. Только мы, река, солнце, которое уже начало клониться к закату.

Мы вышли из машины. Я скинула кеды, пошла босиком по траве, чувствуя, какая земля ещё тёплая.

— Красиво, — сказала я.

— Да, — ответил он. Но смотрел не на реку. На меня.

Мы сели на капот. Он открыл бутылку вина — зубами. Сделал глоток, протянул мне. Луна уже поднималась, хотя солнце ещё не село. Бледная, худая, но уже наливающаяся светом.

— Расскажи о своей семье, — сказала я.

Он усмехнулся, затянулся сигаретой, передал мне бутылку.

— А ты? — спросил, выпуская дым. — Ты что-нибудь расскажи.

Я сделала глоток, помолчала.

— Отец бросил меня, когда мне было шесть. Ушёл к другой. Сначала звонил, на праздники приезжал. А потом всё реже. Уже два года не общаемся. Последний подарок был телефон на день рождения. Я тогда ещё надеялась, что он начнёт звонить чаще.

— А ты звонила ему?

— Нет. Ждала, что он позвонит. Он не позвонил. И я перестала ждать.

Он молчал. Смотрел на воду.

— А мать? — спросил осторожно.

— Мы вдвоём с сестрой, — ответила я. — Мама... она есть. Но мы не очень близки.

Я не стала говорить, что она пьёт. Он кивнул, не стал давить.

— У меня отец, — сказал он глухо. — Тоже не подарок. Вечно недовольный. Мать добрая, но слабая. Молчит и тер-

пит, когда он орёт. Я с ним почти не разговариваю.

— Ты злишься на него?

— Злюсь, — ответил он. — Но уже привык.

Мы замолчали. Я допила вино, поставила бутылку на капот.

— Нейт, — сказала я. — А ты не думал о колледже?

Он замер. Отстранился. Посмотрел на меня.

— Я же просил, — сказал он, не глядя на меня. — Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас хорошо. А ты хочешь всё испортить.

— Я не хочу всё испортить. Я просто спрашиваю.

Он вздохнул, провёл рукой по лицу. Потом посмотрел на меня — устало, с какой-то странной обречённостью.

— Для чего это мне? Чтобы потом работать в офисе и притворяться, что я счастлив? Или чтобы родители гордились мной?

— Они уже гордятся тобой, я в этом уверена, — ответила я, не повышая голоса.

— Мол-Мол, ты многого не знаешь, — сказал он хриплым голосом.

— Я просто хочу, чтобы у тебя было будущее.

— Моё будущее — это сейчас, — сказал он. — И я не хочу об этом говорить.

— Ты поступишь. Выучишься. Будешь работать. — А я не создан для этого.

— Для чего — «этого»?

— Для твоего мира.

— Ты говоришь так, будто это два разных измерения, — сказала я. — Но мы же здесь. Вместе.

— Пока да.

— Что значит «пока»?

Он отвернулся. Отошел к реке. Молчал. Стоял, засунув руки в карманы. Ветер трепал его волосы.

— Молли, — сказал он наконец. — Ты серьёзно думаешь, что я могу учиться? Сидеть в аудитории, писать конспекты, сдавать экзамены?

— А почему нет?

— Потому что я не умею. Я школу бросил. У меня даже аттестата нет.

— Можно сдать экстерном, — сказала я. — Есть курсы. Вечерние. Многие так делают.

Он усмехнулся — не зло, а скорее удивлённо.

— Ты веришь в меня, да?

— Да, — ответила я просто.

Он покачал головой. Посмотрел в небо.

Я подошла сзади, обняла, прижалась щекой к его спине. Чувствовала, как он напряжён, как дышит — глубоко, неровно.

— Боюсь, — сказал тихо.

— Чего?

— Что не получится. Что ты согласишься на меня и пой-

мёшь — ошиблась.

— Я Не ошибаюсь.

Он помолчал.

— Подумаю, — сказал наконец.

Этого было достаточно.

Мы стояли так долго. Луна поднялась выше, ярче, освещающая реку, берег, его плечи. Пахло водой, травой и дымом.

Потом он повернулся ко мне. Взял моё лицо в ладони, посмотрел в глаза.

— Ты невозможна, — сказал он.

— Это плохо?

— Нет. — Он почти улыбнулся. — Это хорошо.

Он поцеловал меня — нежно, не торопясь. Совсем не так, как обычно. Мои руки скользнули по его шее, пальцы запутались в волосах.

— Мол-Мол, — выдохнул он.

— Что?

— Молчи.

В следующее мгновение он подхватил меня на руки — легко, будто я ничего не весила. Я вскрикнула, обхватила его за шею, прижалась. И вдруг рассмеялась — звонко, свободно.

— Ты чего? — спросил он.

— Так. Просто хорошо, — ответила я. — И страшно. И хорошо. Не знаю, как объяснить.

— Не объясняй.

Он поднёс меня к машине, посадил на капот. Металл был ещё тёплым от солнца. Я разжала руки, упёрлась ладонями сзади.

Он встал между моих ног, положил ладони на мои бёдра, провёл большими пальцами по внутренней стороне.

— И чем же ты хочешь заняться? — спросил он, глядя на меня с ленивой усмешкой.

Я сделала невинные глаза.

— Ну, я даже не знаю. А какие есть предложения?

Он усмехнулся, наклонился ближе, провёл носом по моей щеке, коснулся губами уха.

— Например, — шепнул он, — мы можем сидеть здесь и смотреть на реку. Или я могу взять тебя прямо на этом капоте.

Я не успела ничего сказать. Он начал целовать меня. Сначала медленно, почти нежно. Потом жёстче, глубже. Его руки скользнули по моей спине, сжали талию. Я запустила пальцы в его волосы, потянула — он замер на секунду, усмехнулся мне в губы.

— Мол-Мол, — выдохнул он между поцелуями. — Ты сводишь меня с ума.

Его рука сжала мою шею, пальцы запутались в волосах. Я застонала, прикусила его нижнюю губу, он зарычал, прижал меня крепче. Я чувствовала его возбуждение через джинсы — твёрдое, горячее.

— Нейт, — сказала я. — Я уже готова.

Он отпрянул, заглянул мне в глаза.

— Ты уверена? — спросил он. В его голосе сомнение. Он мялся, переступал с ноги на ногу, не знал, куда деть руки. — Точно? Молли, мы можем не спешить. Если ты не...

— Да, — выдохнула я. — Я никогда ещё не была так уверена.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я очень хочу, но... у меня нет с собой резинки.

Я сначала не поняла.

— Какой резинки? — спросила я.

— Ну... презервативы, — тихо сказал он. Отвёл взгляд. Снова посмотрел на меня. — Я не думал, что... что так получится. Не подготовился. Прости.

— Нейт, — сказала я. — Я принимаю таблетки.

Он громко выдохнул, отошёл от меня.

— Подожди секунду.

Он пошёл к машине. Я видела, как он открыл багажник, достал плед. Старый, с красными квадратиками, почти клетчатый. Расстелил его на траве, у реки, под ивами. Вернулся к машине, включил магнитола. Из колонок зазвучал Deftones — «Sextape».

Он подошёл ко мне, взял за подбородок, приподнял лицо. Поцеловал в губы — нежно, не торопясь. Потом прижал меня бёдрами к краю капота, подхватил под ягодицы и поднял на руки. Я обхватила его ногами за талию. Он опустил меня на плед.

Он был сверху. Я слышала его дыхание — хриплое, сбивчивое. Он целовал мою шею, спускался к ключицам, облизывал, покусывал.

Его пальцы скользнули под мою футболку. Медленно, почти невесомо, провели по животу, поднялись выше. Я выдохнула, зажмурилась. Он дотронулся до груди — сначала кончиками пальцев, едва касаясь, обвёл сосок, замер. Я выгнулась, ища его руку. Он усмехнулся, легонько сжал сосок, прокатал между пальцами.

По телу пробежала дрожь. Я вцепилась в его плечи, застонала. Он наклонился — его язык коснулся соска сквозь тонкую ткань футболки. Я вцепилась в его волосы, тянула, пока он облизывал, покусывал, дразнил. Вторая его рука гладила грудь.

— Нейт, — прошептала я.

— Что, красotka?

— Не останавливайся.

— Никогда, — ответил он.

Он снова начал целовать меня. Расстегнул свой ремень, стянул джинсы, подтянул выше мою юбку. Его пальцы скользнули через трусики, добрались до клитора — уже мокрого, пульсирующего. Он гладил медленно, круговыми движениями, иногда надавливая, иногда едва касаясь.

Я застонала — тихо, сквозь зубы. Он усмехнулся мне в губы.

— Тебе нравится? — прошептал.

— Да, — выдохнула я.

Он вошёл в меня.

Медленно. Очень медленно. Останавливаясь на каждом сантиметре. Я чувствовала, как он заполняет меня — не спеша, смакуя. Моё тело пульсировало вокруг него, влажно, горячо, жадно.

Я вцепилась в его плечи, запрокинула голову. Ещё. Ещё немного. Глубже.

— Тебе больно? — прошептал он. — Всё хорошо?

Я зажмурилась, но боли почти не чувствовала. Только распирающее тепло, его дыхание на моём лице.

— Да, — выдохнула я.

Он сделал ещё одно движение — медленнее, чем первое. Я чувствовала, как мокро, как пульсирует внутри, как он заполняет меня.

Потом он начал потихоньку добавлять темп. Толчки стали глубже, ритмичнее. Я обхватила его ногами, вцепилась в плечи.

— Не останавливайся, — прошептала я.

Он не останавливался. Двигался в такт мне, глубоко, ритмично. Его пальцы гладили мой клитор — нежно, но настойчиво, в такт толчкам. Губами он облизывал мой сосок, покусывал, втягивал в рот, дразнил языком. Я выгибалась, вцеплялась в его плечи, стонала — сначала тихо, потом громче.

Внизу живота всё сжималось, пульсировало, нарастало. Я чувствовала, как близко.

— Чёрт, Молли, — простонал он. — Я не смогу продержаться. Ты такая узкая. Ты чертовски узкая.

Он замедлил темп. Но не остановился. Толчки стали глубже, но медленнее, и от этого напряжения становилось только больше.

— Нейт, — прошептала я. — Я сейчас...

— Я знаю, — ответил он хрипло. — Кончай, Мол-Мол.

И я кончила. Всё тело сжалось, выгнулось, содрогнулось. Я закричала — негромко, в его плечо. Волна прошла от низа живота до кончиков пальцев, заставила замереть на секунду в невесомости, а потом рухнуть, обессиленную.

Он кончил следом. Прорычал что-то неразборчивое, уткнувшись лицом в мои волосы, и упал на меня. Тяжело. Всею грудью. Придавил к земле. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце. Как его дыхание сбивается, смешивается с моим.

Он замер. Не двигался. Только дышал. И я дышала.

— Ты в порядке? — прошептал он наконец.

— Не знаю, — ответила я. — Я сейчас умру. Но по-хорошему.

Он усмехнулся. Скатился на бок, притянул меня к себе. Обнял.

Я закрыла глаза.

Мы лежали так, обнявшись, на пледе с красными квадратиками. Луна уже поднялась высоко, жёлтая, огромная. Она отражалась в реке — дрожащей дорожкой, распадалась на

сотни мелких бликов. Вода тихо плескалась у берега, ветер шелестел листьями ив.

Пахло травой, рекой и нами.

— Это было чудесно, — прошептала я.

— Я знаю, красотка, — ответил он, поцеловал меня в макушку.

Мы лежали в тишине. Луна смотрела на нас, река текла, а я чувствовала — этот момент я запомню навсегда.

ГЛАВА 17

15 июня 2012

Последний экзамен я сдала сегодня утром. Вышла из школы с лёгкой головой и чувством, что гора с плеч. А он уже ждал. Прислонившись к капоту, руки в карманах, летний ветер трепал его чёрные волосы. Я выбежала окрылённая, радостная. Прыгнула к нему в руки. Он подхватил меня, закружил.

— Сдала? — спросил он, не отпуская.

— Сдала!

На мне было лёгкое платье — белое, с тонкими бретельками. Оно развевалось на ветру, когда он кружил меня.

— Куда мы едем? — спросила я, когда он опустил меня на землю.

— Увидишь, — усмехнулся он.

Мы поехали.

За Бледом дорога пошла вверх. Серпантин. Каждый по-

ворот открывал новый вид — такие, от которых захватывало дух. Скалистые склоны, поросшие соснами, пропасти внизу, где в ущелье шумела река. Солнце слепило, пробивалось сквозь ветки и било в глаза. В окне мелькала зелень — такая яркая, сочная, что хотелось остановить мгновение.

Нейт открыл окно рядом со мной, и ветер ворвался в салон. Мои волосы полетели назад, я рассмеялась. Высунула руку из машины, подставила ладонь воздушным порывам. Ветер гладил пальцы, забирался под платье. Я чувствовала его взгляд — даже когда смотрела на дорогу, краем глаза видела, как он поворачивает голову, как его губы чуть заметно улыбаются. Он был в солнцезащитных очках — я видела своё отражение в них. Футболка обтягивала каждый его мускул, когда он поворачивал руль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.